

Карина Демина

Наша светлость

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Annotation

Каждый шаг, каждый жест, каждое слово Изольды — повод для сплетен. И ладно бы дело ограничивалось разговорами, но желтые листовки, несмотря на все усилия Магнуса Дохерти, наводнили Город. Люди верят лжи, а еще призывам к свободе, равенству и мятежу. Кайя пытается избежать кровопролития, но Совет слишком уверен в собственной неуязвимости и не желает идти на уступки. Тень по-прежнему на свободе. А еще лорд-канцлер объявил войну, явно вознамерившись выжить Изольду из Замка, и готов использовать любые средства.

Что остается первой леди?

Выстоять. И принять правила новой игры.

Карина Демина
Наша Светлость

Глава 1

Я вам пишу

Люди, не взрослейте, это ловушка!

Крик души

...Что я могу еще сказать?

Никогда не умела писать письма. Как словами выразить происходящее вокруг и как вообще отделить, о чем нужно писать, а о чем не стоит? И я пишу обо всем, что приходит в голову.

«...На днях Кот, забравшись на стол, валялся на бумагах и перемешал все так, что я до полуночи их разбирала. А на столешнице остались пятна от чернил, кажется, не выводимые...

...Майло поймал мышь и дрессирует ее, уверяя, что мышь — зверь очень сообразительный, просто всячески эту сообразительность скрывает. Хорошо, хоть не крыса. Фрейлины, сначала отнесшиеся к новой задумке с подозрением, теперь участвуют и строят для мыши дом. Вчера они спорили, какая обивка должна быть на мебели — из розового сатина или зеленого.

Выбрали синий.

И решили, что мышь определенно дворянского мышиноного рода, о чем свидетельствуют крайняя ее чистоплотность и интеллигентность, свойственные лишь людям благородного рождения — тут я бы поспорила, — и потому нарекли ее Лорд Мыш.

Майло обещал найти ему леди. Чувствую, к концу недели нас ждет мышинная свадьба.

Пускай.

...Сенешаль отказывается предоставлять расходные книги, те, что касаются закупок зерна. Я подозреваю, что берет он его втридорога и с этого имеет откат, но доказать без книг не выйдет. Впрочем, зря он надеется, что я отступлюсь от этой темы.

Постепенно разбираюсь со всем этим хозяйством — зерно, вино, мясо... Ты вообще представляешь, во что тебе обходится содержание двора? Хотя, думаю, представляешь. Это я пока не привыкла.

И нет, упреждая вопрос, я не скупая. Я хозяйственная.

Домовитая!

...Вчера случилась буря. И стекла дрожали так, что я всерьез подумывала спрятаться под кроватью на случай, если вдруг буря прорвется. Не прорвалась.

Я очень скучаю по тебе.

Особенно ночью, когда остаюсь одна. Нет, ты не думай — Лаашья по-прежнему дежурит в нашей спальне, хотя мне кажется, что это уже чересчур. Кто бы ни устраивал предыдущие покушения, он явно успокоился. Устал? Или разочаровался в своих способностях?

Или покинул замок?

Но мои возражения Сержант не принимает. Он и вовсе превратился в мою тень. Ходит по пятам. Людей пугает. Впрочем, интуиция подсказывает, что от этого Сержант получает огромное удовольствие. Вперит в человека взгляд и смотрит, смотрит... ты сам знаешь, какой

у него взгляд. Самые уравновешенные дергаться начинают. А о тех, кто послабее, и говорить нечего.

И не надоело же.

Я не жалею, но всякий раз, оставаясь наедине с собой, я думаю о том, где ты. Мне легче, чем многим. Я знаю, что тебя сложно ранить и почти невозможно убить, но... это «почти» не дает мне покоя.

Я жду тебя. Я считаю дни, оставшиеся до зимы, уверяя себя, что уже недолго. Сегодня выпал снег. С утра. Это было красиво: белая сеть накрыла замок и старые розовые кусты, те самые, что стоят на моем балконе, сбросили листья. Меня уверили, что нет нужды прятать розы, что они привычные и к зиме, и к снегу, но я все равно волновалась.

Лучше за них, чем за тебя.

А снег к обеду сошел. Солнце яркое, блестят водой камни, воздух сырой. И я стараюсь не думать о том, что происходит на границе. Я бы поделилась теплом, если бы знала как.

Возвращайся.

Урфин почти все время где-то пропадает, а где — не говорит. Вижу, что устает зверски, отчего становится злым. Я стараюсь лишней раз его не дергать. И скажи, что не надо за мной присматривать, я справляюсь. Пусть лучше поспит пару лишних часов, на него же смотреть больно.

Тисса и не смотрит.

Я держу ее при себе во избежание ненужных разговоров. Как-то чересчур уж много в последнее время «случайных» встреч с Гийомом. Он выглядит отвратительно здоровым. Мне все это не нравится, солнце. Я не могу постоянно быть рядом с ней, а девочка слишком молода, чтобы прислушаться к голосу разума. И про Гийома рассказывать бессмысленно: решит, что клевета. Урфина она не замечает, хотя делает это исключительно вежливо, с достоинством.

Пора мне вмешаться, но знаю — станет хуже.

Я еще помню себя такой. У нас небольшая разница в возрасте, и от этого понимания становится лишь страшнее. Странное ощущение, что здесь я повзрослела, и как-то очень быстро. Наверное, это хорошо и правильно, но немного жутко.

А Урфин, по-моему, нарочно злит Тиссу. С недосыпу или из врожденной вредности, но он ведет себя как подросток, честное слово! Язвительный обиженный подросток. Наверное, ты бы знал, что со всем этим делать.

Вот, теперь я тебе жалею, так что можешь быть спокоен. Кот пришел утешать. Он почти постоянно рядом. Признавайся, ты и ему поручил присматривать?

...Я нашла кое-что в тех бумагах. Ты же не против, что я обжила твой кабинет? Мне там уютней, чем у себя, представляю, что ты ненадолго вышел и вот-вот вернешься.

И работа отвлекает.

«Золотой берег», как мне кажется, лишь часть системы. Мне было бы легче, если бы ты позволил дядюшке рассказать то, что удалось наработать. Пока Магнус всячески ускользает от моих вопросов. Он не отказывает, он просто не хочет, чтобы я лезла в эту грязь. И понимаю его позицию, но все же я вряд ли смогу оставаться в стороне. Из замка тоже видны мусорные кучи.

Это аллегория такая. Местный мусор хорошо прячут.

Дело в том, что я нашла еще четыре точки. И конечно, это вполне может быть совпадением, поскольку фермы расположены в разных частях протектората — спасибо

Урфину за подробные карты, — но уж больно одинаковые схемы используются.

И те люди, которых казнили...

...Мне пришлось присутствовать. Я знаю, что это мой долг, и, пожалуй, готова была исполнить...»

Откладывая перо, разминаю затекшие пальцы — почти даже чистые. И буквы стали ровнее. Почерк выправляется волшебным образом — вот что значит регулярные тренировки. Ведь столько всего нужно рассказать... гонец отдыхает до завтрашнего дня, и я благодарна этому человеку за его работу.

Три дня на перекладных лошадях.

Переправа.

И снова путь.

Кайя получит письмо. Знаю, что будет читать и перечитывать. Я сама так делаю, когда становится невыносимо. Выучила наизусть почти, но... лист бумаги. Лиловые строки. Слова, за которыми слышу его голос.

Казнь... я думала, что будет хуже.

Урфин предлагал мне отсидеться, но это было бы трусостью и ошибкой: подданные желают лицезреть нашу светлость, которая оставила приговор в силе. Мы есть закон.

И мы должны видеть, что этот закон исполняется.

Снова корона и цепь — символы власти.

Синий с белым плащ. Длинный балкон — дом принадлежит градоправителю, и балкон, подозреваю, был сооружен именно для подобного рода нужд. Высокое кресло, рассчитанное на габариты Кайя. Но так даже лучше. Мне нужна поддержка, хотя бы от кресла.

Вереница лордов. И я очаровательно улыбаюсь, приветствуя их. Лордов бесят моя наглость и необходимость стоять в присутствии нашей светлости. Но ничего, потерпят. В конце концов, они этот закон придумали. У ног моих, на толстом ковре, устраивается Майло. По левую руку становится Урфин. По правую — Магнус, которому выносят табурет. Магнусу сидеть позволено. Он ведь Дохерти.

И я теперь тоже.

Герольд, тот самый, который объявлял о начале рыцарского турнира, вскинул жезл. И сворой голодных псов заскулили волынки. Качнулась толпа, желая ближе подойти к другому помосту, сооруженному посреди площади. Он невысок и выкрашен в черный цвет.

На помосте — тележное колесо с ремнями, которые палач проверяет тщательно.

— Иза, — Урфин вкладывает что-то в руку, — выпей. Прикажи принести воды и выпей.

То самое волшебное средство, которое рекомендовала Ингрид?

— Спасибо, но...

Не сейчас. Позже, если я пойму, что не справляюсь сама.

Наркотики — зло.

Толпа раздается в стороны. Я вижу горловину улицы, по которой тащится повозка, запряженная парой лошадей. Доносятся крики. Свист. В приговоренных швыряют гниль. Я радуюсь, что сижу слишком далеко, чтобы увидеть подробности. И огорчаюсь, что не настолько далеко, чтобы не видеть ничего вообще. На них — шутовские наряды. Ярко-красные сюртуки с плечами, подбитыми ватой, отчего фигуры становятся гротескными, кукольными. Колпаки на головах довершают образ.

Я знаю, что это — часть ритуала казни. И проглатываю комок, подступивший к горлу.

Герольд оглашает приговор, перечислив все свершенные преступления, и голоса его хватает на площадь. А вперед выступает палач. Массивный мужчина с окладистой черной бородой, которую он заплетает в косички, украшая каждую бантиком. И это — особая привилегия.

Палача уважают. Не из страха, а... Магнус сказал, что он не причиняет лишней боли тем, кто не должен мучиться. Достоинство ли это?

Приговоренных, отвязав, ведут на помост. И каждый падает на колени, протягивая руки к нашей светлости. Милосердия.

— Не вздумай. — Урфин рядом. — Это ублюдки, каких мало. Когда «Красотку» брали, они поспешили избавиться от груза. Всех — в воду.

«Красотка» — это корабль. Команду его вздернули на месте: виселица по здешним меркам уже милосердие. А этим троим... нет, Урфин может не опасаться. Я не дрогну.

И волюнки умолкают. Следующие несколько часов я хотела бы вымарать из памяти. И когда все заканчивается, я понимаю, что не способна встать. Пальцы так сжимали подлокотники кресла, что, кажется, с деревом срослись. Но Урфин подал руку, и я поднялась.

Меня хватило на то, чтобы вернуться в замок и снять корону. Цепь расстегивал Магнус.

— Ласточка моя.... — Он поднес вино. Просто вино, терпкое и крепкое, ударившее в голову сразу. — Есть вещи, для которых нужна привычка.

Вряд ли я смогу привыкнуть. Меня знобит. И Магнус спешит долить вина. Верно, наша светлость напьется и заснет, а проснется с похмельем, которое здорово отвлекает от мыслей о правосудии.

— А вы не боитесь однажды казнить невиновного?

— Боюсь. — Магнус гладит меня по голове. — Но это хорошо. Страх заставляет проверять. И перепроверять. Хуже, когда его нет.

Кошмары мне не снятся.

Но писать о казни Кайя... там война, и еще я о смерти. Нет.

«...Я попробовала нарисовать схему. Пять точек — не так и много. Но есть общие закономерности. Например, расположение. Конечно, я рисую не так хорошо, как ты, но все-таки схемой проще. Кружочки — это фермы. Квадраты — крупные города. А треугольники — города, имеющие порт или являющиеся центрами торговли. Видишь: они сидят на транспортных развязках. И до городов, где можно купить — у меня все не идет из головы та несчастная женщина — людей, недалеко.

В крупных городах легко потеряться.

Я, конечно, расскажу Магнусу, но он опять посоветует заняться чем-нибудь другим, более подобающим леди. Знаю, ты подумаешь так же, но меня мутит от вышивки.

Честное слово, я пыталась!

Освоила крест и гладь, но потом загнала иглу в палец, и это было неприятно. С лютней тоже как-то не сложилось. Я предупреждала, что слуха не имею, а они все равно...»

— ...Эта баллада крайне проста в исполнении, ваша светлость! — Тонкокостный мужчина склонялся предо мной, и нашей светлости виделось, что еще немного и он вовсе переломится пополам. Человек-соломинка в огромном напудренном парике. Может, он поэтому и кланяется, что парик слишком тяжел?

Заморский рыцарь, что пришел
Из северных земель... [1]

Мэтр Голлум — кстати, весьма и весьма похож, особенно печальными очами чуть навывкате, ресниц лишенными, — поет громко, вероятно пытаюсь преодолеть стеснение нашей светлости. У него хорошо поставленный тенор, а паучьи пальцы сноровисто перебирают струны.

Это простой инструмент. С ним и дети управляются. Но наша светлость взрослые.

...ухаживал и обещал,

что женится на мне...

— Ваша светлость, вы должны попробовать. Встаньте. Разведите руки и...

Меня заставляют подняться и руки разводят — ощущение, что обнимаю большую невидимую бочку, — а затем показывают, как именно нужно вытянуть шею, дабы звук покидал легкие правильно.

При этом мэтр не умолкает.

Дева-дура, покинув родительский дом с малознакомым рыцарем, уговорившим ее прихватить парочку коней, золотишко и так по мелочи, мчится добывать простое женское счастье. Путь заканчивается на морском берегу.

...Здесь шесть невест я утопил,

И будешь ты седьмой...

Голос мэтра обретает требуемую зловещесть. И фрейлины всхлипывают, жалея бедняжку, которую так жестоко обманули. Обещали жениться, а сами — топить. Непорядочно.

Снимай шелковый свой наряд,

Отдай его ты мне.

Он слишком дорог и богат,

Чтоб гнить ему на дне...

К счастью, мой учитель увлекается балладой. О, сколько страсти в исполнении! Почти вижу маньяка, который требует снять не только платье, но и корсет, и даже нижнюю рубашу. Извращенец чертов. Ладно бы он честные намерения имел, а так же нет, скупостью ведом. Дев-то много, а корсет и перепродать можно. Дамы кивают, соглашаясь, что не тот ныне

маньяк пошел.

И бедная дева соглашается, умоляя об одной малости: отвернуться на время стриптиза.

Ах, не пристало лицезреть

Злодею наготу...

Мэтру подпевает Майло, тонкий голосок которого очень женственен. Дуэт срывает аплодисменты, а коварный злодей спешит исполнить просьбу дамы. Да, мир здесь странный: серийные убийцы и те блюдут приличия.

Спиной он повернулся к ней,

Взгляд к морю обратив...

И девушка, не будь душой, воспользовалась оказией. Один пинок, и коварный злодей летит в пропасть. Правильно. Нечего честную женщину обманывать. Правда, еще несколько куплетов поверженный маньяк цепляется за край обрыва, умоляя спасти и обещая взять в долю. Но дева на уговоры не поддается.

А я вдруг вспоминаю Кайя.

Его уже месяц нет рядом. И в этот момент кажется, что я не выдержу дольше.

Выдержу. У нашей светлости крепкие нервы.

И о тоске писать не стану.

«...Я учусь, солнце. Пытаюсь во всяком случае. Манеры. Правила. Гербы. Родственные связи. Правильная речь... никогда бы не подумала, что я настолько косноязычна. Риторика. Логика... и ничего в голове не задерживается. Стараюсь, честное слово, но вряд ли я когда-нибудь одолею хотя бы треть того, чего от меня добиваются. Слишком стара я, слишком занудна вся эта наука. Единственное, с чем дело обстоит более-менее успешно, — это танцы.

Нас взялся учить Магнус. Я подозреваю, что затеял он все не ради меня, но принять участие была рада. Представь, я в паре с Ингрид. Тисса — с Урфином, который в кои-то веки и зевать перестал, и заткнулся, что вообще сродни чуду. Гавин — он все еще сторонится всех, и Долэг. Она очень забавная и умная девочка, пожалуй, еще вопрос, кто из сестер о ком заботится.

Магнус управляет оркестром и нами.

Приседание. Поклон. Поворот.

Все это безумно интересно и забавно, хотя, наверное, никто не понял, почему я смеюсь. Наши танцы совсем другие. А здесь все просто, если не забывать, что за чем следует. Я забываю.

Скачу ошалевшей козой, но хотя бы в такт музыке. А Магнус говорит, что весь секрет танцев в том, чтобы убрать ногу до того, как на нее наступят.

Уроки длятся недолго. Но весело всем: Ингрид и та улыбается. Ты, наверное, никогда не видел ее улыбающейся. А Гавин оттаивает рядом с малышкой, когда забывает, что рядом

взрослые, и начинает объяснять ей что-то. Он ужасно серьезный при этом. Почти как ты.

Тебя не хватает. Всегда и везде. Но я уже научилась справляться с собой.

Снова кляксу посадила. Но переписывать не стану. Я ее усовершенствую. Вот этот цветок, который ты видишь, раньше был кляксой. Знаю, что цветы дарят дамам, но... надо же было что-то с ней сделать? И да, с учителем рисования мы тоже не сошлись во взглядах.

Уж очень мое яблоко абстрактным вышло... и кувшин... а про модель, которой служила Тисса, вовсе умолчу. Я рисунок ей не показывала — сразу в камин отправила. Так что иных талантов, кроме занудства, во мне не обнаружено. Ты, конечно, не согласишься. Ты же одержимый и не способен оставаться беспристрастным. Но я этому эгоистично рада.

В любом другом случае я бы ревновала.

И ревную. Приступами.

В пустой голове всякие мысли рождаются. Я верю тебе, иначе не завела бы этот разговор, но иногда как вспомню некоторые ваши обычаи... и ведь понимаю, что ты мне не изменишь, но все равно зверею.

Озверелая, я страшна.

Констебль вот, под руку подвернувшийся, согласился, что надо бы в замке порядок навести. Правда, негодяй этакий, умолял погодить до весны. Весной, мол, ремонт веселее идет.

Я согласилась.

И ограничилась реставрацией гобеленов. На очереди война с плесенью, ремонт и замена портьер, а также каминных решеток. С коврами немного пережду, бедный Макферсон рыдает, подсчитывая воображаемые убытки.

Он, к слову, еще та падла. Извини, но другие слова просто не в состоянии столь же полно отразить истинную его суть.

Вот ты знал, что реально ты задолжал гильдии ткачей? И портным? И еще сапожникам, камнетесам, краснодеревщикам... да почти всем в этом городе! Интересно, что из казны деньги уходят почти сразу. А вот до адресата добираются спустя полгода. И возникает закономерный вопрос, какими хитрыми путями они идут?

Кайя, вот сейчас я на тебя зла. Почему ты позволяешь им себя обворовывать? Причем всем! Одни тащат по мелочи. Другие не стесняются брать полной горстью. Они тебя за идиота держат?

Прости, солнце, возможно, тебе было некогда заниматься счетами, но раз уж я занялась, то доведу дело до конца, чего бы это ни стоило. Подозреваю, любви ко мне не прибавится, но хоть уважать станут слабый женский ум, о котором мне не устают напоминать. И с риторикой своей отстанут. Без нее обойдусь. Так что будь готов к жалобам.

И возвращайся.

Пожалуйста.

Я очень тебя жду...

P. S. Завтра предстоит встреча с Благотворительным комитетом. Надеюсь на дружеские посиделки в компании почтенных и благорасположенных ко мне дам, но разумом понимаю, что вряд ли встреча пройдет гладко. Не ладится у меня как-то с дамами... но я тебе отпишусь.

Завтра сяду за новое письмо. Вдруг да получится без клякс?»

Я не посыпаю чернила песком, жду, пока сами высохнут. Несколько страниц, сложенных вместе. Упаковка из плотной бумаги. Бечевка и пятно алого сургуча.

Печать.

И несколько дней ожидания... от письма до письма.

Когда мне хочется плакать, я смотрю на огненного рыцаря. За это время мы научились разговаривать друг с другом без слов. Кот, выбравшись из-под кровати, запрыгивает на колени и трется о щеку. Утешает.

Надо бы Майло предупредить, чтобы посадил Лорда Мыш в кувшин с плотной крышкой, а то не доживет он до свадьбы.

Трактир «Три монеты» пользовался устойчивой репутацией заведения веселого, но в то же время солидного. Здесь не водились карманники, да и шлюхи отличались относительной порядочностью. Повариха была хорошей, прислуга — вежливой, и лишь рваные ноздри да клеймо на лбу вышибалы несколько нарушали общую благостность обстановки. И взгляд раннего посетителя, скользивший по скромному убранству зала, то и дело останавливался на лице.

— Не следует столь откровенно разглядывать его, мой лорд, — мягко посоветовал спутник. В отличие от товарища, чье происхождение выдавали не столько одежда, сколько осанка и пренебрежительный взгляд, второго человека отличала некая особая невзрачность. — Клейменных легко спровоцировать.

— Я сильнее этого отродья, — заметил лорд, все же отворачиваясь. И руку на меч положил. Впрочем, в таверне давно привыкли к прихотям гостей.

— Конечно, сильнее.

— Мне не нравится, как ты со мной разговариваешь.

— Простите, мой лорд.

Кивок, дающий понять, что прощение получено. Спутнику его оно было не нужно, как не нужен был сам этот разряженный и бесполезный человечешко, мнивший себя центром мира, но на самом деле не стоивший и медяка.

Все они только горазды орать о праве.

А люди равными рождаются, как пишут на тех желтых листочках. Впрочем, человек был слишком умен, чтобы связываться с опасными бумажками. О правах пусть высокородные думают, у него же своя работенка имеется.

— То есть вы согласны?

— Да.

Человек давно собирался сменить место жительства, иначе в жизни не согласился бы на подобную работу. Но к тому времени, как тело обнаружат, он будет далеко. А что станется с этим лордиком, уверенным в собственном уме и непогрешимости, его не интересовало.

Старый лэрд слыл большим затейником.

— Задаток.

Кто же бросает кошелек так открыто? Еще бы содержимое вывалил. Но нет, на это ума хватило.

— Там вдвое больше оговоренного...

Хорошо. Деньги в путешествии пригодятся.

— ...но вы поставите клеймо. Раб должен умереть рабом.

Все ж таки дурость людская неискоренима. И человек, взвесив полученный задаток — а

сумму он назвал достойную заказа, — подумал, что убраться следует не только из города, но из протектората тоже.

К тому времени, как лордик окажется в пыточной, человек обретет новое лицо, имя и дом.

Глава 2

Обратная связь

Я думала, что без тебя умру... а нет... сижу, ем...

Опыт первой любви

Седьмой день кряду дождь. Мелкий, холодный, порой перемежающийся со снежной крупой. Воздух пропитался сыростью, и костры гасли даже под навесами. Еда остывала моментально.

Кайя уже и не помнил, когда в последний раз ел что-то по-настоящему горячее.

Дома.

Странно, но прежде он не воспринимал замок домом. Скорее уж местом, в котором он проводил некоторую часть времени. Иногда с удовольствием, чаще всего — без, но тем не менее особой привязанности к нему Кайя не испытывал.

Все изменилось.

К лучшему ли? Легче ведь было без этой обессиливающей тоски. Она то отпускала, отползая за край сознания, и тогда Кайя мог заниматься делами, то вдруг накатывала. И те же дела, на которых приходилось сосредотачиваться, становились спасением.

Берег размыло, и пехота Мюррея увязла в грязи.

Но и своим приходится туго. Ни поесть, ни согреться. Чем дальше, тем хуже.

Лихорадка. Понос. Рвота. Пьяные драки. И убийство шлюхи, которая пыталась обобрать невменяемого капрала. Иссякающие запасы ртути, нехватка докторов и растущее число сифилитиков.

Дезертирство.

Порченное зерно, которым успели отравиться лошади. И гнилое сено.

Выгребные ямы, что наполнялись водой едва ли не быстрее, чем выкапывались. И загаженные окрестные леса. Крепкая лагерная вонь. Вездесущие крысы.

Бароны, не способные договориться друг с другом.

Городские ворота, оскалившиеся шипами. Переговоры, которые выматывали нервы, доводя до края. Дирлетонцы то готовы сдать, то вдруг меняют условия, точно надеясь оттянуть неизбежное. Зимы ждут? Не понимают, что Мюррей, не закрепившись на берегу, уйдет? А Кайя останется. И будет очень зол.

Он уже зол.

Хотя бы тем, что с потолка капает. Дожди пропитали наружный полог шатра, сделанный из толстых буйволовых шкур, а внутренний, из тонкой шерсти, давно не был преградой. Вода стекала по рубцам швов, наполняя ведра.

Бумаги отсырели, и перо оставляло глубокие раны на поверхности листа. Чернила растекались, но Кайя упрямо продолжал писать.

«...Здравствуй, сердце мое.

У нас снова дождь. Все серое. Холодное. Но никогда еще я так не радовался приближению зимы. Ты писала о снеге, но мы находимся южнее, и снег выпадет позже на неделю или две. Я хотел бы, чтобы все закончилось до того, но, боюсь, не выйдет.

Вчера опять вели переговоры.

Городской совет настаивает не только на полном прощении, но и на признании Дирлетона коронным городом, что совершенно невозможно. Я не могу оставить мятеж безнаказанным, поскольку это подает дурной пример. А они хотят, чтобы их еще и наградили за глупость...»

Кайя выдвинул встречные условия: штраф в двадцать тысяч золотых дукатов и прилюдное покаяние бургомистра, начальника городской стражи и гильдийных старейшин.

Обошлось бы без крови.

Но еще неделя под дождем, и Кайя, наплевав на все правила, просто выломает ворота.

«...Видел слонов. Мюррей все еще надеется переправить их через реку, хотя мне эта затея представляется совершенно безумной. Животные слишком массивны, чтобы использовать плоты, а ближайший мост разрушен. Вода же холодна, и я не уверен, способны ли они плавать.

Ты знаешь точно.

Ты мне так и не рассказала, чем бабочки от мотыльков отличаются.

Слоны же огромны. Как четыре лошади, друг на друга поставленные. Говорят, что их шкура столь толста, что стрелы отскакивают, а густая шерсть защитит и от копий. Но меж тем мне представляется нерациональным использование этих животных в качестве наступательной силы. Для переноски тяжестей — возможно. И даже тогда количество потребляемого ими корма значительно превышает то, которое требуется обыкновенным волам или мулам. Что же касается боевого применения, я согласен, что вид этого огромного животного внушает людям ужас, но и только.

Из того, что мне удалось узнать, слоны крайне неподатливы в управлении, и возница-махут вынужден постоянно спускаться с шеи к бивням, которые он цепляет особым крюком, перенаправляя движение животного. Ко всему молодые слоны пугливы, а порой впадают в состояние безумия, именуемого «муст». И тогда они крушат все и вся, что только видят на своем пути.

Мне пока не довелось видеть это животное в бою, но в некоторых трактатах указывается, что использует оно подвижный хобот и бивни. Их даже укрепляют специальными накладками с шипами. На спине слона сооружают особую башню, в которой сидят стрелки и копейщики. Они-то, пожалуй, и представляют реальную угрозу».

Капля, сорвавшись с нити, упала на лист, расплылась прозрачным пятном. Другая же нырнула за шиворот, опалив холодом.

О чем он пишет?

О слонах.

А в прошлый раз — об осадных башнях, которые велел строить, скорее для того, чтобы занять людей и подвигнуть дирлетонцев к размышлениям. И до того — о разнице между легкой и тяжелой кавалерией.

О построении пехоты.

Фуражирах.

Об организации лагеря... шатрах, навесах, патрулях... разновидностях лука. Усовершенствовании конструкции баллисты. Обо всем, что приходило в голову.

Разве интересно Изольде читать такое?

Но Кайя не знал, о чем еще рассказать. Точно не о грязи, которая хлюпает под ногами. И не о пленке льда, что проявляется после полуночи, сковывая живое и неживое панцирем холода. А к утру исчезает. Не о вездесущих крысах, одна из которых обжилась в его шатре и, отличаясь особой наглостью, крадала его еду. Не о канавах для мертвецов — их было немного.

Мюррей пробовал силы, накатывал и отступал, медля с основным ударом. Складывалось ощущение, что он решил испытать нервы Кайя на прочность. И город, оцетинившийся было стрелами, вдруг подрастерял былую наглость. Первый штурм унес десятерых. Еще трое скончались от ран.

С тех пор число убитых выросло до полусотни.

Пятерых забрала лихорадка. Четверо отравились. Один утонул в выгребной яме, поскользнувшись на краю. Дюжину унесли пьяные драки.

Еще дюжина растворилась в окрестных лесах, справедливо решив, что жизнь войны дороже.

Троих пришлось повесить. Семерых — выпороть.

Два рыцаря стали жертвами собственной чести, не пережив дуэли. Еще один сверзился с коня и свернул шею. Правда, поскольку при жизни отличался крайне паскудным нравом, то о потере Кайя не сожалел.

Но ведь жене об этом не напишешь!

«...Также, если говорить об угрозе, то я согласен с Сержантом: нельзя убирать охрану. То, что покушений больше не было, безусловно, меня радует, однако не является поводом терять бдительность. До тех пор пока убийца не найден — а рано или поздно он себя обнаружит, — рядом с тобой каждую секунду должен находиться кто-то, кому я в достаточной мере доверяю.

Прости, сердце мое, если тебя это утомляет.

Что же касается ферм, то будь добра, передай как можно более полную информацию о том, что тебе удалось обнаружить, Магнусу. Я попрошу его держать тебя в курсе этого дела, хотя ты совершенно права: он полагает его чересчур грязным и опасным. Если все действительно так, как ты описала — а с «Золотым берегом» ты не ошиблась, и значит, скорее всего, права и в данном случае, — то ситуация крайне серьезна. Организовать подобное предприятие в одиночку невозможно, следовательно, будут затронуты интересы некой группы людей...»

Письма переправляют подопечные Магнуса. Им можно доверять, но насколько безопасен сам путь? Гонцов пока перехватить не пытались.

Из страха?

Или просто не думали, что в письмах этих может быть что-то серьезное? Изольде хватит ума не распространяться о своих изысканиях.

«...Сердце мое, я не пытаюсь умалить твои достижения, но лишь хочу защитить тебя. Если кому-то станет известна твоя роль в данном деле или хотя бы факт участия в нем, то я не берусь предсказать последствия. Ненависть людей, потерявших многое, — а я предвижу, что дело будет громким, — беспредельна. Поэтому прошу тебя: осторожнее.

В пределах замка и города ты — полновластная хозяйка. И сенешаль обязан выдать тебе

все бумаги, которые ты только пожелаешь видеть. Констебль — исполнить любой самый безумный твой приказ. Но все, что касается дел протектората, должно проходить через Магнуса или Урфина.

Похоже, я действительно слишком многое спускал на доверии, чего больше не будет. Спасибо, что ты помогаешь мне и, надеюсь, будешь помогать впредь, поскольку самому мне легче воевать с людьми, чем с цифрами. Однако воздержись пока предпринимать что-либо. Я вернусь и сам спрошу, как вышло так, что люди, принесшие присягу моей семье, ее же обворовывали. Нужны будут лишь явные и однозначные свидетельства вины, которые исчезнут, если ты начнешь задавать вопросы сама.

Меня печалит то, что ты, похоже, слишком много времени уделяешь вещам утомительным и неприятным. Магнус писал мне о казни. Он был категорически против твоего на ней присутствия, но ты переупрямила дядю, что редко кому удавалось. Мне жаль, что тебе все-таки пришлось увидеть нечто подобное, и если увиденное все-таки сказалось на тебе, если появится дурнота, или плохие сны, или еще что-либо, пожалуйста, не молчи.

Я хотел бы быть рядом с тобой. Тогда, сейчас и каждую минуту.

Ты пишешь, что ревнуешь. И я понимаю это чувство, которое прежде было незнакомо. Иногда я начинаю думать о замке, о людях, тебя окружающих, о том, сколь много среди них мужчин. Что ты красива. И одинока. И несмотря на то, что считаешь себя взрослой, наивна. А нравы в замке — скрепя сердце вынужден признать и это — весьма вольные.

Вот, получилось, что я тебя подозреваю в неверности.

Это совершенно не так!

Я верю тебе, но ревность сводит меня с ума. Вчера едва не ударил одного барона, который стал хвастаться тем, как соблазнил жену вассала. Это был грязный и подлый поступок, но прежде я относился к подобным историям куда как спокойней, полагая их вымыслом.

Они так и не поняли, что меня разозлило.

Да я и сам не понимаю. Едва не вспыхнул из-за пустяка. Отчего-то мне кажется, что испытываемое мной состояние вполне подходит под определение «муста».

Сегодня встретился с Эдвардом. Рука у него по-прежнему крепкая, но булава — не самый удобный вид оружия, хотя щит искрошила в щепу. Наша стычка длилась всего несколько секунд, но мне показалось, что Эдвард рад меня видеть. Возможно, если бы нам удалось договориться о поединке за спорные территории, вся эта возня завершилась бы быстрее. Но правила диктуют мне обороняться, а Эдвард не шлет переговорщиков. Выходит, что даже среди них, пусть бы и тех, кто был знаком со мной прежде, я все равно чужак. Они признают за мной право держать эти земли, но самого лишь терпят, не имея возможности заменить кем-то другим.

Чудо, что у меня есть ты.

Подумалось, что строки о поединке ты истолкуешь превратно. Не волнуйся, сердце мое, Мюррей не собирается убивать меня, как и я его. Это запрещено, да и выходит за пределы наших возможностей. Скорее, мы определили бы плотность поля и вектора его распределения, на основании чего и была бы — или не была бы — перенесена граница. К сожалению, я не знаю, как это можно объяснить нормальным языком. Все еще не хватает информации.

Но я сильнее. Я чувствую это.

Значит, прямой стычки Мюррей будет избегать. И опять же все затянется до первых

морозов...»

Издали, возможно, что с другого берега реки, донесся рокот грома. И ветер пробрался-таки сквозь слои ткани, покачнув лампу. Из груды сырых мехов, сваленных на лежак, выползла крыса. Она забралась на самую вершину волглой ветоши и уселась, впери в Кайя красные глазенки.

— О тебе я тоже писать не стану, — сказал Кайя крысе, но та не шелохнулась. — А о чем стану?

Крыса не спешила советовать.

«...Что же касается свадьбы представленного тобою Лорда Мыщ, который видится мне существом в высшей мере ответственным и способным содержать семью, то проследи, чтобы данная церемония прошла с должным размахом. Возможно, в весьма скором времени тебе предстоит организовать другую свадьбу.

Кстати, Урфин все-таки соблаговолил переслать мне договор о намерениях, который я отправлю с этим письмом. Пожалуйста, ознакомься. И если тебя устраивают предложенные им условия — они соответствуют устному соглашению, достигнутому перед отъездом, — поставь свою подпись. И с этой минуты ты перестанешь нести ответственность за Тиссу. Она и ее репутация — всецело забота ее будущего супруга.

Но ты все равно присматривай. Урфин, что бы я ни говорил, надежен, но порой из самых лучших побуждений делает вещи, о которых потом жалеет. А поскольку впервые дело касается не моих, но его интересов, я опасаюсь, что он вынужден будет столкнуться с последствиями собственных поступков. Это — болезненный опыт, которого я хотел бы избежать для него.

Возможно, ты была права, когда говорила, что я слишком надавил на девочку. Но ты, дядя и Урфин — вся моя семья. Я хотел бы, чтобы ее стало больше. И чтобы вы были счастливы. Наверное, порой я тоже из самых лучших побуждений делаю вещи, о которых потом сожалею. Однако в этом случае обратного пути нет. И я лишь надеюсь, что Урфину хватит терпения.

Дети ведь растут. Взрослеют. Главное, чтобы, взрослея, не теряли душу.

Ну вот, меня потянуло на отвлеченные размышления, и это верный признак, что мне нечего рассказать, однако я не желаю завершать письмо. Каждое как расставание. На время, но все же болезненное, ведь, дописав, я останусь один...»

Кайя покосился на крысу, которая нагло разлеглась поверх его одеяла. Нет, все-таки один. Крыса в постели — это не компрометирующие обстоятельства.

А дождь усилился. Шелестели капли, пытаюсь напоить пропитавшуюся водой кожу. Бежали по швам и ныряли в переполненное ведро. Размокший хлеб покрылся сизой плесенью, но лучше такой, чем выбираться наружу и искать свежий.

Гонец ждет.

Он отдохнул, и лошадь свежа. Завтра... послезавтра... сшивая лигу с лигой, соединяя замок и проклятую пустоту границы.

«...Хотел бы обнять и поцеловать тебя, но, не имея возможности, тешу себя надеждой увидеть во сне.

Иза, дамы из Благотворительного комитета — не самые милые существа на свете. Честно говоря, я сам их несколько побаиваюсь, уж больно агрессивны они творят добро. Поэтому не смей печалиться, если что-то пойдет не так. На моей памяти с ними даже Кормак не сумел общего языка найти, хоть бы и глава комитета приходится ему родной сестрой.

Также отправляю тебе несколько новых набросков. Слон, по-моему, получился похоже. А вот Эдварда рисовал по памяти. Сейчас почему-то он выглядит не таким внушительным.

До встречи, сердце мое».

Свернуть. Перевязать. Запечатать. Спрятать в кожаную тубу, которая сохранит листы от влажности. Передать человеку, который дремлет над костром в ожидании.

— За службу. — Кайя протянул двойной дукат, но человек помотал головой и продемонстрировал серебряную тамгу. Ему платят исправно.

И брать больше он не станет.

— Тогда спасибо.

Кивок. Свист. Серая лошадка с толстыми ногами появляется из дождливой мути и в ней же исчезает, унося всадника. Влажно хлюпают копыта по грязи.

И звук тоже смывается дождем.

Тоска накатывает с новой силой. Непрошенная мысль лезет в голову: а если расставание это — навсегда? От внезапной боли темнеет в глазах. Алую волну едва-едва получается свернуть до всплеска. И Кайя заставляет себя выдохнуть. Выдохнуть и снова медленно, отсчитывая секунды, выдохнуть.

А крыса, единственная, на ком можно было бы злость сорвать, исчезла. Благоразумное животное.

В доходном доме Матушки Фло всегда было весело, шумно илюдно. Расположенный на пересечении трех улиц, одна из которых выводила к кварталу Лудильщиков, а две другие вели к пристаням, он был удобен для многих людей.

Сюда заглядывали сводни, желавшие сбыть свежий товар. Контрабандисты. Ростовщики. Скупщики краденого. Воры. Игроки. Вольные капитаны. Наемники. И просто те, кто готов был рискнуть, ввязавшись в мероприятие незаконное, но сулящее выгоду.

Здесь не принято было разглядывать друг друга, но чумазый мальчишка разбойного вида презрел обычай. На человека в потертой кожанке он пялился секунд тридцать, словно прицениваясь.

— Чего? — спросил человек, засовывая пальцы под шейный платок, верно, завязанный чересчур туго.

— Ты бушь кптан, ктрый рботу ищет? И готов с блгой кстью свзаться?

— Я буду.

Мальчишка кивнул, не сводя настороженного взгляда, точно подмечая каждую деталь: и мятую рубаху с потемневшим кружевом, некогда нарядную, но заношенную, и сапоги хорошие, и нож на широком поясе с бляхами. И даже пустой кубок, который залетный капитан не спешил наполнить.

Но монету — правила знает — кинул.

Поймав медяк на лету, мальчишка отправил его за щеку и вытащил обслонявленный кусок ткани.

— Пслзавтра.

Он исчез, спеша исполнить другое поручение, за которым последует третье и четвертое... Урфин же развернул замусоленный клочок. Три корявых знака.

Две цифры.

И круг с рыбой.

Место. Время и слово для встречи. Свои прочтут. Чужие... о чужих здесь не беспокоились.

— Эй, лапочка... — Шею обвили мягкие руки, длинный локон скользнул по шее. — О чем печаль имеешь? Пойдем-ка наверх... развеселю.

Шлюха была уже не молоденькой, но еще симпатичной.

Сколько ей? Восемнадцать? Деятнадцать? Еще месяц-другой, и мамочка выгонит ее из теплой таверны на улицу, высвобождая место для других, посвежее, помоложе. Тошно...

— На, — Урфин вложил в ладошку серебряный талер, — купи себе что-нибудь.

— Добрый, значит?

— Какой есть.

— Идем. — Шлюха талер сунула в волосы и, впившись неожиданно крепкими пальцами в руку, потянула за собой. — Идем, идем... надо.

Стоило подняться, как девица повисла на шее и горячими губами в ухо уткнулась, зашептала:

— Мамочка на тебя глядит. Сидишь тут третий день... а на девок ни глазиком даже...

Непростительная ошибка, которая могла дорого стоить. И Урфин подхватил девицу на руки. Та взвизгнула и замотала ногами, вроде как отбиваясь, но лишь крепче вцепляясь в шею. Комнатушка свободная отыскалась на втором этаже. И дверь была с запором. Кровать, на которую Урфин девицу бросил, протяжно заскрипела.

— Может... — Шлюха похлопала рядом с собой и ноги расставила пошире.

— Спасибо, но воздержусь.

— Что так?

— Жениться хочу.

Она хмыкнула и, вытащив монету из тайника, прикусила.

— И вправду серебро... Меня Мия звать. Или по-другому, как захочешь... женитьба еще никому не мешала.

— У невесты отец строгий. Очень рассердится, если я ей отсюда подарок привезу. — Урфин сел на пол, который с виду был почище кровати. — С чего вдруг помогать взялась?

Мия подпрыгнула пару раз на кровати и застонала. Взгляд у нее был хитрющий...

— А мамочка меня продать хочет. Я ее любимке не по нраву пришлась. Дуры обе.

— Куда продать?

— То ты не знаешь. На ферму.

— Хочешь, уведу отсюда?

Это было бы неправильно. Подозрительно. И опасно. Но оставить девчонку работоторговцам — подло.

— Не-а... я не боюсь. — Она вытянулась на кровати и руки за голову заложила. — Небось не хуже, чем тут будет... рожать? Все бабы рожают.

— Рабов.

— А хоть бы и так... ты чужой. Оттуда. — Она указала на потолок. — Думаешь, что раз рабы, так плохо. Там меня кормить станут. Бить никто не будет. А детей в канаву не понесут

топить. Вырастят. И выучат, как благородных... и продадут в хороший дом. Небось люди не дураки, чтоб потраченные деньги портить. Будут мои детки жить в тепле и сытости...

— Рабами.

— Ага. Про свободу думать хорошо, когда в животе с голодухи не бурчит.

То, что она говорила, было неправильно. Настолько неправильно, что Урфин растерялся.

— А с тобой что будет, подумала?

Сколько она родит? Пятерых? Шестерых? Десятку? Потом, если не помрет во время очередных родов, станет нянечкой при младенцах... а как не сможет справляться, так и на кладбище.

— А тут со мной что будет? — отозвалась Мия.

И это тоже было правдой. Какое из двух зол следовало считать меньшим?

Урфин не знал.

Вычищать надо оба. Вот только хватит ли сил?

Глава 3

Корпорация добра

Мы в ответе за то добро, которое мы творим, следовательно, как никогда актуален тщательнейший контроль его качества...

Из ежегодной речи председателя Благотворительного комитета, вдовствующей мормэрессы леди Джиневры Арчибальд Флоттэн

Наша светлость нервничала.

До встречи оставалось четверть часа... очень долгая четверть часа... я уже трижды успела пройти вдоль стены, доказывая рыцарю с витража — мой бедный собеседник, сколько всего ему приходилось выслушивать, — что готова встретиться с почтеннейшими дамами.

И вообще зря их опасаясь.

Это же леди.

Благотворительницы.

Им полагается быть добрыми, отзывчивыми и вообще...

Рыцарь слушал скептически. Сейчас, в приближающемся полдне, солнце расплавил и смешало краски витража так, что фигура выглядела как никогда зыбкой.

— ...и если рассуждать здраво, то я в этом мире — не последний человек. Моя поддержка что-то да значит. И на самом деле глупо нервничать! В крайнем случае...

Действительно, а что будет в крайнем случае? Перед носом нашей светлости дверь захлопнут? Не камнями же побьют в самом-то деле. Вернусь к себе. Пореву, наконец, от души по причине конкретной. Разобью чего-нибудь и успокоюсь.

Перспектива, конечно, не самая вдохновляющая, но какая уж есть. Тем более что напросилась я сама. Даже не напросилась — поставила почтенных дам в известность о своем грядущем визите. Ну надоело мне ждать, когда меня на эти заседания пригласить решатся!

Мир требует добра.

А у нашей светлости как раз свободное время имеется.

И группа поддержки.

Ингрид выглядела спокойной, а вот Тисса явно переживала, хотя, по-моему, в последний месяц это было нормальное ее состояние. Она осунулась, побледнела и обзавелась милой привычкой прикусывать губу, словно запирая в себе то, что хотелось сказать.

— Ваша светлость, — мое предложение обращаться по имени Тисса упорно игнорировала, предпочитая держать дистанцию, — выглядят подобающим образом.

Она была вежливой и милой, как механическая кукла, которую настоятельно выдавали за живую. И не могу сказать, что я поняла, в какой момент случилось это превращение. Надо что-то делать, но что?

Для начала поговорить с ней наедине, только момент бы выбрать подходящий...

— Иза, — Ингрид поднялась и расправила юбки, — главное, не принимай близко к сердцу.

— Что не принимать?

Сержант, к чьему постоянному молчаливому присутствию я уже привыкла, занял позицию за левым плечом нашей светлости.

— Ничего не принимай.

Заседал Благотворительный комитет в Бирюзовой гостиной. И бирюзы, надо сказать, на инкрустацию мебели ушло изрядно. Особенно хорош был стол овальной формы с гнутыми ножками и кружевной столешницей. Во главе его восседала председатель комитета, почтеннейшая мормэressа Джиневра Арчибальд Флоттэн.

Разменяв полсотни лет, леди Флоттэн не утратила былой красоты, скорее уж изменила ее согласно представлениям о приличиях. Ее лицо морщины украшали, как трещины украшают благородный мрамор. Рыжий парик подчеркивал белизну кожи. Платье было строгого покроя, приличествующего вдове темно-зеленого цвета. Украшения — из агата. И лишь желтый алмаз выбивался из мрачного ряда.

Меньше всего леди Флоттэн походила на добрую фею.

Да и остальные тоже...

Дамы пили чай и беседовали. Мило. Вполголоса. Пили и беседовали... тонкий фарфор в нежных пальцах. Блюдца. Чашки. Сливки... сахар... Высокий чайник в руках лакея.

Крохотные пирожные на серебряной горке.

И полнейшее безразличие к происходящему вовне.

— ...безусловно, это имеет смысл, однако необходимо рассмотреть рекомендации. Мы должны быть уверены, что, предоставляя этой женщине помощь, мы поддерживаем ее, а не подталкиваем к губительному безделью...

Леди передавали друг другу розовые бумажки с виньетками. Кивали головами — и щедро напудренные парики соприкасались беззвучно, — изредка вздыхали.

— Как это печально...

— ...весьма печально... я бы сказала, что недопустимо... мы должны сочинить петицию против...

А я стояла, ощущая себя совершенно лишней на этом празднике мирового добра.

— ...или вот здесь. У нее трое детей. И муж погиб...

Я тихонько постучала о каминную полку.

— ...но следует заметить, что сыну уже двенадцать. Этого достаточно, чтобы пойти работать. А двое вполне в состоянии прокормить...

Нас не замечают? Что ж, придется заявить о своем присутствии.

— Добрый день, дамы, — сказала я и реверанс сделала.

Ингрид утверждает, что сейчас мои реверансы действительно похожи на реверансы, а не на внезапный приступ подагры.

Обрыв разговора. Ледяные взгляды. И приподнятая бровь в молчаливом вопросе: какого такого лешего нашей светлости в сих краях понадобилось и не найдется ли у нее по счастливой случайности дел иных, неотложных где-нибудь в другом крыле замка?

— Я... то есть мы, — не следует забывать об Ингрид и Тиссе, — пришли, чтобы принять участие в работе Благотворительного комитета.

Выделите нам по стульчику, чашке и розовых бумажек с виньетками тоже дайте. Полагаю, в них вся суть, а не в профитролях. Впрочем, от последних наша светлость тоже отказываться не станет.

Молчание длилось и длилось...

— Мы рассмотрели вашу просьбу. — Леди Флоттэн обладала глубоким контральто.

Просьба? Я ни о чем их не просила.

— И сочли невозможным удовлетворить ее...

— Могу я узнать, по какой причине? — Спокойно, Иза, кричать нельзя. Улыбайся.

Держи лицо. Если у Тиссы получается, то и у тебя выйдет.

— Благотворительный комитет — организация, от которой зависит благополучие многих людей. И, как вы сами понимаете, наша репутация должна быть безупречна...

Допустим, я понимаю.

— ...а вы — угроза для нее. Для всех нас.

— Почему?

Леди Флоттэн соизволила подняться. Что-то знакомое привиделось мне в ее движениях.

Эта манера держать спину и поворот головы...

— Потому что особа вроде вас, безусловно, имеет некоторую власть над мужчинами.

Они слабы. Безвольны во всем, что касается их желаний.

И этот тон знаком до боли. А уж выражения-то...

— Но женщины — иное дело. Вам здесь не рады и никогда рады не будут.

Это я уже поняла. Осознала, так сказать, всем своим испорченным естеством.

— Вас терпят. Из жалости. И это жалость не к вам, а к вашему несчастному супругу, который, мы надеемся, все-таки прозреет.

И ушлет меня за край мира во имя всеобщего счастья и благоденствия? Не дождутся. А если ушлет, то я вернусь, хотя бы для того, чтобы высказать ему все, что думаю.

— Само ваше присутствие... — она приложила к носу кружевной платок траурного черного цвета, словно от меня воняло, — ...действует разрушительно... и мне искренне жаль загубленную душу.

Это у Кайя, что ли? Или я еще кого-то успела толкнуть на путь порока? Если так, то я нечаянно.

— Взять хотя бы эту юную леди...

Тиссу?

Тисса выдержала взгляд леди Флоттэн, преисполненный праведного гнева. Этой вдовушке да в инквизицию бы...

— ...которая вела себя столь неосмотрительно, что дала повод мужчине прилюдно выразить свой к ней интерес в нарушение всяческих приличий...

— Знаете, — я поняла, что еще немного и сделаю что-то, о чем буду жалеть, — в моем мире говорят, что старые ханжи получают из тех, кто в молодости не слишком-то задумывался над вопросами морали...

— Что вы себе позволяете?

— Все что угодно. Особы, вроде меня, они такие. Непредсказуемые. И мало ли, что им в голову взбредет...

Пора прикусить язык. Я ведь не собиралась им угрожать. И надо бы уйти, пока я не наговорила больше, чем нужно. Действительно, что я могу им сделать?

Выставить из замка?

О да, наша светлость — воплощенное зло, изгоняющее бедных пожилых леди, которые радеют об общественном благе, прямо с утра просыпаются и радеть начинают... нет, они в безопасности и прекрасно это понимают. По глазам вижу.

Уходила я без реверансов. Обойдутся.

И за дверь взяла Тиссу за руку. О боги, у этого ребенка ладони ледяные, на ногтях — кайма лиловая, характерная такая, а пульс просто бешеный.

Она сейчас рухнет.

Сержант, коснувшись плеча, указал на низенький диванчик. По-моему, выражение его лица можно было истолковать как сочувствующее. Хотя кому он сочувствовал: мне или Тиссе — непонятно.

Возможно, обеим.

— Садись. — Я надеялась, что не кричу.

Тисса послушно села, не сводя взгляда с запертой двери, точно ожидая, что леди Флоттэн выскочит специально ради того, чтобы высказать Тиссе все, что еще не было высказано.

— Она — озлобленная старуха.

— Именно, — подтвердила Ингрид, до сего момента умудрявшаяся казаться невидимой. Надо бы перенять это полезное умение.

И нюхательная соль как нельзя кстати.

— Нет. Она правильно сказала. Я... я дала повод. И сама во всем виновата.

И губы синеют.

— Так, дыши.

Потом будем нянчиться. Сейчас ее вытащить надо.

— Вдох, считай до десяти, и выдох. Слышишь?

Кивок.

— Вдох! Вот так... выдох. Умница. Еще дыши... правильно все.

Она постепенно успокаивалась и в какой-то момент даже улыбнулась, робко, извиняясь за то, что заставила нас волноваться. Похоже, нельзя затягивать с разговором.

В городе ощущалась близость зимы. Юго вдыхал сырой воздух, наслаждаясь оттенками его вкуса. Отсыревший камень. И дерево. Черная смола, которую привозили в бочках, укрывая их прошлогодним сеном. Алхимики сварят потом кожные зелья, смрадные, едкие. Для этих зелий уже делают кувшинчики с широким горлом, примешивая к красной глине ассурский песок...

На пристани выгружали свежую ворвань в толстых лоснящихся бочках. В старых — варенец, а в новых, помеченных красными крестами, — сырток^[2]. Этот уйдет дороже, глядишь, прямо с пристани. И вонь ворвани перебивала запах рыбьей требухи, которую вычищали из трюмов, полугнилую, мешанную с крысами и остатками хребтов. По воде плыли масляные пятна. И старый шкипер дымил, табаком заглушая горький привкус в легких.

Юго почти дошел до точки — уже виднелись впереди низкие здания складов с разноцветными, многожды латанными крышами, — когда раздалась переливчатая трель.

Шлюхи нырнули в тень.

Матросы ускорили бег, и бочки с грохотом полетели с настила. Шкипер переложил трубку с левого угла губ в правый. А на пристани появились синие плащи.

Юго едва успел убраться с пути.

Редкая цепь, но плащи — это не городская стража. Двигутся неспешно, расслабленны, даже ленивы, только впечатление это обманчиво. Лучше не пробовать сбежать. И Юго

замирает, сутулясь.

Если охота за ним...

Невозможно. Он вел себя тихо.

Настолько тихо, насколько сил хватало. И недоучка должен был бы расслабиться... не успокоиться — он вовсе не глуп, но расслабиться. Немного.

Оцепление прошло мимо Юго, не удостоив и взглядом. Значит, все-таки склады... типография. Плохо. Уже пятая за прошедший месяц. И с каждым разом новую искать становилось все трудней. Деньги ничто, когда на кону голова.

В другой раз Юго ушел бы — ему не было дела ни до типографии, ни до хозяина ее, которому грозила забываемая ночь в подземельях замка, ни до прочих глупцов... но имелось одно нехорошее обстоятельство. К счастью, Юго знал, куда направиться.

Пристани — хорошее место для крыс и тех, кто желает остаться незамеченным.

Гудо, прозванный Шепелявым по причине отсутствия некоторых зубов, из-за чего речь его сделалась неразборчивой, не стал ждать, когда Синие выломают дверь.

Лишь только услышав тревожный свисток — не зря, ох не зря Гудо приплачивал местным шлюхам за пригляд, — он подхватил куртку и бодрой рысью кинулся в комнатку.

Нет, конечно, жаль было бросать все... Станки, почитай, новые. Рамки необкатанные. Шрифты в двойном наборе. И даже пуансоны, с которых уже сам Гудо мог бы шрифт отливать, какой надобно. Не говоря уже о таких мелочах, как запас краски, бумага и те самые листовки, перевязанные и готовые к отправке. Пасквиль, конечно, но... золотой в прямом смысле слово. Лично Гудо ничего не имел против их светлости, которую в глаза не видел. Но бизнес — это бизнес. И если кто-то там в Верхнем замке готов вывалить талер за листовку, то Гудо будет их продавать.

Он выбил доску в полу и выгреб мешочки с золотом. Не так много, как рассчитывал... найти бы ту тварь, которая сдала его. А что сдали, тут Гудо не сомневался: место он сам выбрал, тихое, спокойное, накатанное. И вот тебе, недели не прошло, как выследили, собаки...

Ничего. Гудо матерый.

И с их сиятельством снова никак встречаться не желает. А потому уйдет, не прощаясь.

Он открыл шкаф и, забравшись внутрь, надавил на неприметный рычажок. Задняя стенка раскололась пополам. Гудо пинком расширил щель и оказался в узком проходе. Через пару шагов тот сузился еще больше. Пришлось на четвереньки встать. Ничего, Гудо не гордый и не брезгливый. Крысы сами разбегались, а про то, что хлюпает под его руками, Гудо старался не думать. Главное — золотишко при нем. А есть золотишко и жизнь будет...

Выход был завален мусором, и Гудо пришлось выкапываться наружу. Человек, поджидавший его, не спешил помочь.

— Рад, что ты сбежал, — сказал он, глядя, как Гудо отряхивается от очистков, гнилых веревок и чего-то еще, волокнистого, осклизлого.

Гудо ответил матом. Говорил он искренне, от души, избавляясь от пережитого страха. И замолчал, когда рот вдруг наполнился кислой слюной. А в брюхе закололо... так сильно закололо, что прям невыносимо. Гудо схватился больное место прикрыть, но оказалось, что в боку у него стальное перо торчит.

— Ты... — хотел сказать, но слюны стало слишком много. И она полилась из горла, мешаясь со рвотой и кровью. Ноги подкосились.

— Рад, — повторил человек, ногой переворачивая Гудо на спину, — что ты выбрался.

Он раздвинул немеющие губы и затолкал в рот что-то твердое, круглое...

Десятью минутами позже из лаза появится другой человек. Он выползет и, наткнувшись на тело, выругается: мертвец — не то, чего их сиятельство ожидают.

Впрочем, пенять за медлительность тан не станет. Он пройдет по типографии, касаясь машин, перебирая литеры в ячейках шрифтов. И листовки, лежащие на отдельном столе в связках по дюжине, вниманием не обойдет.

— Хоть бы новое что придумали. — Тан почешет подбородок и наконец обратит внимание на мертвеца. — Ну что, Гудо, свиделись? А я ж тебя, паскуду, предупреждал, что в следующий раз зубами не отделаешься.

Тан обернет руку батистовым платком и сунет в рот мертвецу. Вытащив золотой талер, поднесет его к свету. Монета будет самой обыкновенной, ничем не отличающейся от тех, которые найдут в поясе Гудо. И ни у кого не возникнет желания пояс этот присвоить.

Во всяком случае сейчас, когда их сиятельство видели.

Позже в типографии — оцепление снимут, а тело унесут, но нюх портовых крыс любого размера подскажет им держаться подальше от складов — появится еще один человек, которого если кто и знал, то в жизни в знакомстве этом не сознался бы.

— Мальчик мой, лучше б ты выспался разок, — скажет он, стягивая перчатки из белой лайки. — Это отребье и другие погонять могут.

— Потом. Смотри, что получается.

Урфин сцепил пальцы за головой и потянулся, пытаясь подавить зевок. Спать ему и вправду хотелось, но он уже привык к этому желанию. Сперва дело. Сон — позже.

Когда-нибудь.

Например, после завтрашней встречи, которая кое-что да прояснит по рабским фермам. Но о завтрашней встрече он подумает завтра. Сейчас следовало разобраться с типографией.

— Во-первых, Гудо закололи и в пасть монету сунули. И значит, он был знаком или с Тенью, или с кем-то, ему близким. Во-вторых, посмотри. Здесь почти все новое. Этому сквалыге не просто хорошо платили. Ему тут все обустроили... И я вот подумал, к чему добру пропадать?

Магнус прищурился и взмахом руки велел продолжить.

— Гудо — мелкая мразь. Он никогда не занимался печатью. И значит, их прижало почти в край. Настолько, что они стали искать любого, кто возьмется... Может, пусть найдут? Не мы их, а они нас.

— Что ж, — Магнус прочел верхнюю листовку и скривился, — есть у меня подходящий человечек...

Склад вспыхнул ночью. Хорошо горел. Ярко.

Ничто не вызывает такого прилива энергии, как вожжа, попавшая под хвост.

Нас не пускают в высокоморальную песочницу? Ничего. Построим собственную. Будем конкурировать.

Совет держали в гостиной при апартаментах нашей светлости. Что характерно, тоже за чаем.

И профитролями.

А вот розовых листочков с виньетками не нашлось. Чувствую себя ущемленной в правах, но, похоже, только я. Тисса сидит на полу — при здешней манере укрывать полы

толстыми коврами простудиться она не простудится, а Ингрид ей волосы расчесывает. Волосы, к слову, у девочки красивые. Длинные, густые, невероятного пепельного оттенка — до сих пор я думала, что добиться подобного можно лишь искусственным путем. Правда, Тисса волосы прятала, заплетая в косы, а косы укладывая вокруг головы короной. И пепельный превращался в серый, скучный.

Она вообще предпочитала быть незаметной, и с каждым днем у нее получалось все лучше.

— Ингрид, как вообще они работают? — Я наконец села. Все-таки дурные привычки заразительны, и надо бы избавляться от этой манеры метаться по комнате, загоняя мысли в голову. Может, и удобно, но при моих полутора метрах выгляжу я смешно.

Ингрид отложила расческу. Разделяя пепельную волну на пряди, она ловко сплетала их, закрепляя крохотными цветами из золотой проволоки.

Тисса сидела неподвижно.

Надеюсь, она не решит, что Ингрид проявляет излишний к ней интерес. Моя старшая фрейлина по-прежнему верна старой своей подруге.

— Жители города подают прошения. Гильдийным старейшинам или же смотрящим квартала. Могут и лично. Раз в месяц Благотворительный комитет устраивает день открытых дверей, когда принимают прошения от всех желающих. Бумаги рассматриваются. И прошение удовлетворяется или не удовлетворяется.

В принципе все довольно просто и логично, нашу светлость это устраивает всецело.

Осталось уточнить кое-какие детали.

— И много они отсеивают?

— Почти всех. — Ингрид отступила, любуясь делом рук своих. Тонкая сеть удерживала пепельную волну, в которой мерцали золотые звезды. Подав зеркало, Ингрид сказала: — Посмотри. Так тебе идет куда больше. Им важно оказать помощь достойному. А достойных мало.

Тисса смотрела на свое отражение с удивлением, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, словно проверяя, действительно ли та, которая в зеркале, — она.

— Ингрид, сколько в городе людей? — Я испытывала нечто сродни зависти. У меня такая грива если и отрастет, то очень и очень нескоро.

— Много. Около трехсот тысяч.

По здешним меркам действительно много.

— А сколько бедняков?

Молчание. Пожатие плечами. И пауза.

— То есть не считали?

— Это город, Иза. Здесь все сложно. Люди приходят. И уходят. Гильдии заботятся о своих. Или вот смотрители кварталов. Им выделяют деньги...

...которые, полагаю, если и уходят по назначению, то в куда меньших суммах, чем заявляется.

— ...на эти деньги строят дома и покупают зерно. И любой, кто прожил в городе больше пяти лет, может просить о помощи. Но порой бывает, что люди врут... часто врут.

— Мой отец знал всех арендаторов. — Тисса не без сожаления отложила зеркало. — И было понятно, кому надо помогать, а кому — нет. Когда сгорел дом Фарлендейлов, он дал пять серебряных талеров на отстройку, разрешил невозбранно лес брать. А вот когда у Стингисона овцы померли и тот пришел денег просить, то выпороть велел. Потому что

Стингисон пил много, а за отарой не смотрел и, значит, сам был виноват.

— Именно поэтому, — подхватила Ингрид, — Благотворительный совет требует от просителя рекомендации, заверенные или в гильдии, или у квартального смотрителя. Это гарантирует право на помощь...

...но лишь для тех, кому подпишут бумаги. А ведь подписывают далеко не всем. Это же такой удобный инструмент для шантажа и сведения мелких счетов. Его надо менять, но как? Рассматривать прошения без рекомендаций? Сколько их будет? Не сотни — тысячи. Выслушивать людей, пытаясь понять, кому именно нужна помощь, а кто притворяется обиженным? Я верю всем.

Но сомневаюсь, что на всех хватит денег.

Даже у местной казны имеется предел.

Надо думать над системой, но я не умею!

Ладно, начнем с малого.

— Ингрид, а мы можем достать те прошения, которые Благотворительный комитет не счел нужным удовлетворить?

— Ну... — Она задумалась, хотя думала недолго. — Пожалуй, я знаю, к кому обратиться.

Пока нет своей системы, попаразитируем на чужой. И совесть нашу светлость, что характерно, не заест.

— Нет, милая, не надо глядеть под ноги. Ты же не служанка... — Ингрид критически осмотрела наряд Тиссы. — Иза, вы ведь одного роста? Я думаю, что то твое синее платье... оттенок для тебя неудачный, а ей будет вполне к лицу.

— Я не могу!

— Можешь. — Тут я возражений не потерплю. Надо же нашей светлости хоть кем-то сегодня покомандовать. И вообще, почему мы раньше до этого не додумались?

Платье Тиссе почти впору.

Но до чего же она худая! И сейчас худоба особенно заметна.

— Тисса, — я отчетливо понимаю, что с возрастом ошиблась, — сколько тебе лет?

— Шестнадцать, — отвечает она, слегка краснея. — Будет. Через неделю.

Ну, Урфин, педофил несчастный... и пусть только попробует соврать, что не знал. И Кайя тоже получит. За соучастие.

— Иза, — Ингрид помогает выровнять швы на рукавах, — по меркам нашего мира она уже взрослая.

Про мерки этого мира я уже наслышана. Спасибо.

— Дай-ка это сюда, милая. — Сняв с руки цепочку, Ингрид надела ее Тиссе на шею. — Если тебя уже записали в ряды падших женщин, то хотя бы получай от этого удовольствие.

Глава 4

Чужие долги

Не хотите наступать на одни и те же грабли? У нас богатый выбор!

Рекламная вывеска над лавкой, где представлены новинки сельскохозяйственного инструмента

Письмо на сей раз обнаружилось в книге.

Листок надушенной бумаги, сложенный хитрым образом, вызвал подспудный страх, и Тисса не могла бы сказать, когда и почему этот страх появился.

Не было для него причин...

Письма — это лишь слова. Она ведь сама мечтала, чтобы с ней говорили о любви и чтобы сердце трепетало, а в груди рождалось томление, которому положено было рождаться в подобных случаях.

Но не страх же!

Просто Тисса опять все неверно истолковала. Ее вовсе не преследуют, а...

...а просто пишут письма.

Каждый день. Иногда и чаще.

Оставляют письма среди ее вещей, и леди Льялл не видит в том дурного. Всего-навсего игра. Придворная. Из тех, которыми увлечены все леди, ведь не думает же Тисса, что леди куда более благородного происхождения, нежели она, способны на опрометчивый поступок?

Да и есть ли зло в словах?

Нет.

Но слова почему-то становятся злыми. И Тисса знает, что, как бы она ни хотела спрятаться от них, у нее не выйдет.

«Моя прелестница, вы пишете мне про обязательства, которые связали вас, и тем наполняете душу мою печалью. Ведь что есть данное слово против истинного чувства? Смею привести вам вердикт Суда Любви, в котором мне довелось принять личное участие. Вопрос был таков: «Возможна ли истинная любовь между лицами, состоящими в браке друг с другом?» Прения длились долго, и вердикт был вынесен единогласно: «Мы говорим и утверждаем, ссылаясь на присутствующих, что любовь не может простираť своих прав на лиц, состоящих в браке между собою. В самом деле, любовники всем награждают друг друга по взаимному соглашению совершенно даром, не будучи к тому понуждаемы какой-либо необходимостью, тогда как супруги подчиняются обоюдным желаниям и ни в чем не отказывают друг другу по велению долга...»

Тисса отложила письмо, не смея читать дальше.

Она ведь умоляла оставить ее!

Она твердо и в выражениях изысканных в последний раз два дня подбирала, стараясь выразить именно то, что чувствовала и думала.

У нее есть долг. Перед будущим мужем. Перед сестрой. Перед их светлостью, который принял Тиссу и Долэг в своем доме. Перед леди Изольдой: она добрая и милая. Тисса даже перестала читать листовки, хотя ей предлагали, но теперь это казалось предательством.

Как и просьба Гийома о встрече.

Она же не давала повода!

Не было ведь ни проигранного в фанты желания, ни предрассветных разговоров на балконе, ни слова, ни взгляда, ничего... Почему он не желает оставить Тиссу в покое?

И почему становится таким жестоким?

Когда только переменялся?

«...И мне горестно, что вы отвергаете этот сердечный дар во имя человека, вас недостойного. Он груб, хитер и коварен, как может быть коварен лишь мерзкий раб, но вскоре получит по заслугам...»

Тисса отправила письмо в камин.

Да как он смеет?

Тан, конечно, не самый воспитанный человек, но это же неправильно так о нем писать!

Он грубый. И порой — совершенно невозможный. Тиссе приходится прикладывать немалые усилия, сохраняя образ леди. Он смотрит сверху вниз и при любом удобном случае Тиссу высмеивает. А случаев она предоставляет немало... но не тан же виноват, что у нее не получается быть настоящей леди.

Что же касается происхождения, то здесь и вправду нельзя ничего изменить.

И Тисса впервые за долгое время позволила себе задуматься, как и кто определяет, кем человеку быть. Почему одни рождаются рабами, другие — простолюдинами, а третьи — в благородных семьях.

Это были очень опасные мысли. Хорошо, что никто, особенно леди Льялл, не сумел бы их прочесть. Ей бы мысли определенно пришлись не по вкусу. Девушкам и вовсе не полагалось думать: какой мужчина захочет себе думающую жену?

И Тисса решительно открыла любовную балладу.

Хотя бы там героини обязательно будут счастливы.

Мне снова не спалось. Становится традицией. И рыжий кот, устроившийся в изголовье, мурлыкал, уговаривая не глупить. Ночь. И нормальные люди спят. А наша светлость опять круги вокруг кровати нарекает. Мысли покоя не дают.

И главное, роятся, аки пчелы над пасекой.

Фермы и незаконная работоторговля. Законная, впрочем, тоже мало приятней.

Воровство из казны.

Благотворительность, оказываемая лишь достойным.

Девочки, которые в пятнадцать лет считают себя уже совсем взрослыми... и двенадцатилетние невесты. Женщина не может убить мужчину.

А мужчина имеет полную власть над женой.

Что я могу сделать со всем этим? И надо ли? Может, мне все это лишь кажется ненормальным? Я ведь чужая... и вообще я не подряжалась миру улучшать! Я только замуж хотела.

Вышла.

И вот теперь не спится.

Реформаторский зуд не дает. Но что я знаю об управлении государством? Только то, что власть бывает законодательная, исполнительная и судебная. И вся у Кайя, но реформы — любые — придется проводить через Совет, а это, подозреваю, дело муторное...

И вообще, прежде, чем изменять что-либо, надо разобраться, как оно работает.

— Лаашья... — Я впервые решилась заговорить с моей телохранительницей.

Ее отмыли и переодели. Ей шли алые шаровары, и, удивительное дело, бирюзовая полотняная рубаха длиной до колен вполне с ними гармонировала. Рубаху Лаашья перевязывала широким поясом с перламутровой чешуей. В косицах ее прибавилось лент, а на запястьях блестели браслеты.

— Лаашья слушать леди.

— Присядь, пожалуйста...

Кресла так и стояли у камина. Я заняла то, в котором обычно сидел Кайя, и указала Лаашье на второе. Подойти она подошла, а вот садиться не стала.

Не положено?

— Я хочу тебя кое о чем спросить. Если, конечно, тебе можно о таком рассказывать. Как у вас принимают законы?

При ней нет оружия, во всяком случае такого, которое я бы заметила. Ножи разве что в широких ножнах, перекинутых крест-накрест наподобие патронташа. Из ленты ножен выглядывают белесые рукояти.

— Есть большой закон. Есть малый закон. Малый закон жить семья. И семья собираться. Думать. Каждый сестра говорить и старший сестра слушать. Тогда решать, как есть хорошо. Когда решить, тогда закон. Большой закон жить все. И старший сестра каждый семья собираться. Говорить. Спорить. Кричать много-много. Потом решать. Белый камень — быть. Черный — не быть закон. Большой мать камни считать.

То есть некое подобие демократии? Обсуждение закона и голосование?

— Но Большой мать уметь говорить сам. Она говорить — есть закон. И закон есть. Кто не хотеть закон, тот умер.

Ясно, с демократией немного поспешили.

— Но так быть мало-мало, — добавила Лаашья и тронула кольца, которые в губе висят. — Большой мать любить всех. Она хотеть, чтобы хорошо быть. Она говорить: не надо сын продавать. Надо сын учить. Корабль строить. Дом строить. Рыба ловить. Много-много делать... красивое. И дочь не только купец резать. Везти вещь на рынок. Деньги быть. Радость. Закон такой — нет. Но Большой мать говорить. Слушать кто — богатый. Я не слушать. Я думать, что сила иметь. И никто не бояться.

А вышло иначе. Я проникаюсь невольным уважением к их Большой матери, леди-протектору, которая пытается изменить привычный уклад свирепых дочерей своих. Вряд ли это тоже просто.

Не продавать сыновей. Торговать.

Жить в мире.

Разве боги войны не должны желать обратного? Как мне не хватает Кайя! Он бы объяснил.

— Лаашья, сядь, пожалуйста. Здесь никого нет. И вряд ли кто-то появится.

Она присела, скрестив руки на груди, вернее прикрыв пальцами рукояти ножей. Малейший шорох, и клинки оставят пригретые гнезда, чтобы поразить цель.

— Леди не знать. Лаашья не думать пугать, но леди быть аккуратный. Купцы нанять охрана. И Лаашья их не трогай. Она жди. Месяц жди. И два. И три. Они думать, что нет Лаашья, и больше охрана не платить. И тогда Лаашья выходить. Всех резать.

То есть она тоже считает, что наша светлость рано расслабилась? А пример жизненный, и надо бы прислушаться к умным людям.

— А бедные у вас есть? Им помогают?

Лаашья задумалась. Ее смуглое лицо было словно сшито из лоскутов, соединенных шрамами-швами.

— Семья кормить каждый в семья. Сестра иметь корабль. Сестра давать кусок добыча семья. И кусок брать сам. Останется — делить. Семья строить дом всем. В дом жить старый. И дети. Старый растить детей. Песни петь. Учить. Семья слабый — кормить мало. Семья сильный — много. Старший сестра судить, кто делать не так...

Что ж, своеобразно, возможно, эффективно, но совершенно понятно, что нашей светлости не подходит. Кажется, пришла пора познавать окружающий мир.

И желательно бы в соприкосновении с этим миром.

Проснулась наша светлость с легкой мигренью — подозреваю, скопившимся за ночь мыслям попросту тесно было в голове, — но в настроении бодром, готовом к подвигам. Благо имелось, куда энергию приложить: прошения принесли в сундуках. Солидных таких сундуках, окованных железом. Я попробовала один такой приподнять. Тяжелый.

И вот что со всем этим добром делать?

— Это за последние полгода, — сказала Ингрид, откидывая крышку.

Пахнуло плесенью. Бумаги, которыми сундук был забит до отказа, отсырели. На некоторых поплыли чернила. И это только те, которые лежали наверху.

Что будет, если копнуть глубже?

Я взяла несколько листов.

...прошу... ходатайствую... взываю о милосердии благородных дам...

...оказать помощь в связи с утратой кормильца...

...выделить средства на обучение...

...постройку дома...

...организацию дела...

...содержание малолетних детей...

...лечение дочери...

Так. Стоп. Разбирать это в одиночку я буду долгие годы... ну или месяцы. Сундуков у меня три. Фрейлин — дюжина. Осталось процесс организовать и возглавить. Для начала информацию попробуем систематизировать.

— Дамы! — Я критически обзрела мой женский легион, понимая, что грядущий поход обещает непредвиденные сложности.

Кайя жаловался на баронов? Есть опасение, что с баронессами и того веселее будет. Ничего, дорогу осилит идущий. Эх, марш военный сыграть некому вдохновения ради.

— Я прошу вашей помощи в одном нелегком, но очень благородном, — неблагородные занятия леди предлагать неблагородно, — деле. Здесь лежат прошения людей о помощи.

— Бедных? — уточнила леди Тианна, накручивая темный локон на палец.

Синеглазая, белокожая, прекрасная, как статуя. И мозгов столько же.

Любовь зла?

— Бедных. — Ингрид ответила за меня, глядя на подругу с нежностью.

Мне завидно. Просто-напросто завидно, хотя и зависть эта с оттенком горечи. Мы с Кайя будем вместе. А они вряд ли. И все, что у них есть, это запрещенная любовь сейчас.

— Надо их рассортировать... разложить. Давайте на этот угол ковра кладем бумаги, где просят денег на лечение. Сюда — все, что касается содержания семьи. Пособий...

...сомневаюсь, что здесь известен подобный термин.

— ...то есть где говорится, что погиб кормилец или просто не хватает денег, чтобы жить. Сюда, — я перешла к другому ковру. Ощущение, что собираемся играть в безумные шахматы, — все, что касается открытия своего дела... и обучение... а тут — то, что никуда не подходит. Ясно?

Фрейлины кивнули и переглянулись. Как-то не вижу вдохновения на лицах. Я понимаю, что мышиный особняк — занятие куда более привлекательное, но пора сделать что-то действительно полезное.

— А ваша светлость уверены, что это... — леди Доэн двумя пальчиками взялась за угол листа, — ...прилично?

— Уверена.

Так, мое мнение не аргумент? Ничего. Воспользуемся мнением конкурентов.

— Леди Флоттэн занимается благотворительностью. Вы же не считаете, что леди Флоттэн способна сделать что-то неприличное?

Они не считали. Они вздрогнули и посмотрели на сундуки с совсем иным выражением в очах.

— К сожалению, — я надеялась, что сожаление в голосе получилось искренним, — дамы из Благотворительного комитета слишком стары и немощны, чтобы справляться со всем этим...

Сундуки стоят открыты... просто-таки нагло разверсты. Добро ожидает быть сделанным.

— Наш долг — помочь им.

Больше и говорить-то ничего не потребовалось.

Вечер я встречала среди бумажных гор. И выше прочих была та, которую сложили из испорченных прошений. За каждым ведь стояло что-то. Последний шанс. И надежда. А ее в сундук... читали хотя бы? Сомневаюсь.

Серая бумага. Бледные чернила. И чужие просьбы. Сотни чужих просьб. Что мне с ними делать?

Решать.

«...Солнце мое, я сегодня разбирала чужие надежды. Это так странно — иметь возможность кому-то помочь и иметь выбор, кому помогать. Я не уверена, что у меня получится не ошибиться.

За каждым прошением мне слышится голос.

И в какой-то момент мне захотелось оглохнуть. Собрать бумаги, запихать в сундуки и вернуть их на прежнее место. Пусть себе догнивают. Какое мне дело до чужих проблем?

Ну вот, высказалась.

Их слишком много! Я гуляла по городу, тогда, с Урфином. И город показался мне богатым. Люди — довольными жизнью. Но теперь у меня ощущение, что каждому человеку нужна помощь.

Но если отвлечься от нытья, которое хоть и приносит моральное удовлетворение, однако проблему не решит, то у меня возникло несколько идей.

Во-первых, что касается вопросов строительства и организации дела. Люди, которые обращаются с подобными просьбами, как правило, имеют некую сумму, которой недостаточно. Я предлагаю предоставлять им остаток суммы в долгосрочный заем под некий

процент. Возможно, с отсрочкой первых платежей на год или два. Так делают в моем мире. Возникнет вопрос залога и гарантий возврата денег, но если решить их, то такие займы будут выгодны. Думаю, они существуют и у вас, но я не знаю, в какой форме. Полагаю, что многое упирается в процентную ставку.

Я была бы благодарна, если бы ты подсказал, с кем я могу побеседовать на эту тему. Желательно, чтобы этот человек не стал бы смеяться над моим слабым женским разумом.

Во-вторых, как ты посмотришь на то, чтобы построить лечебницу? Не могу поверить, что в городе на триста тысяч жителей нет ни одной лечебницы! Хотя, конечно, мои фрейлины могли и напутать. Но если нет, Кайя, ты должен ее открыть! Это, конечно, обойдется недешево, но меня поразило огромное количество просьб о помощи. Как понимаю, пригласить доктора может не каждый, но это же не значит, что люди должны умирать. Да и заработок врача зависит от количества пациентов и не всегда стабилен. Если же ты согласишься платить им некую сумму ежемесячно — отвратительно, но я не в курсе местных заработков, хотя бы приблизительных, — то это было бы выгодно и для них. Я не предлагаю нанять самых дорогих докторов, но хотя бы тех, кто сам ищет работы. Возможно, что в помощь им дать учеников. Им же нужна практика? Думаю, это спасло бы многие жизни.

К слову, сюда же можно включить третий пункт: много прошений об оплате учебы, в том числе в гильдии медиков. Если удовлетворить эти просьбы, однако с условием обязательной двух-трехлетней отработки в твоей лечебнице, это позволит в довольно короткий срок получить некоторое количество специалистов, которые нужны протекторату.

Полагаю, Макферсон придет в ужас, узнай он о моих планах разорения твоей казны. Но я воздержусь говорить что-либо, пока не получу ответа от тебя.

Отвратительно деловым получается письмо. Но настроение у меня такое... никакое.

Я выходила ждать снег, но его не было. Опять дождь, который к вечеру прекратился. И небо прояснилось, словно дразнится. Оно грозит продлить осень, а мне каждый день дается с боем.

Иногда я думаю, что можно бросить все и увязаться за гонцом. Тот, кто возит тебе письма, привез бы и меня. Но вряд ли тебя бы эта встреча обрадовала.

Я не буду делать глупостей, не волнуйся. Но иногда достаточно помечтать.

Вчера мы переделали Тиссу, и вот что я хочу тебе сказать, дорогой. Впрочем, не только тебе...»

Эта встреча тоже была случайной. И Юго подумал, что в последнее время как-то много их стало — случайных встреч. И если бы он верил в судьбу, то непременно решил бы, что та имеет свои планы на Юго, иначе зачем так старательно сводит его с недоучкой.

Тот шел по улице, держась в тени, с сосредоточенным видом человека, который совершенно точно знает, куда и зачем он движется. Юго успел нырнуть в переулок, хотя, пожалуй, останься он на месте, вряд ли удостоился бы взгляда.

Все-таки одежда и место здорово меняют людей.

И недоучка выглядел иначе, чем обычно. Пожалуй, сейчас в нем ничего не осталось от сиятельного лорда — Юго сдержал смешок — и тем паче рыцаря. Обыкновенный человек. Не богатый, но и не бедный, из мелких купцов или же бывших вояк, хотя одно другому не мешает. Капитан захудалого суденышка, из тех, что равно промышляют и торговлей, и грабежами. Или просто наемник, каковые в городе еще остались. Но главное — свой

человек. Чужие так вольно не ходят.

На недоучке потеряя куртка со щеголеватыми пуговицами, парочка из которых не то потерялась, не то сгинула в кармане ростовщика, старые, но крепкие штаны. Сапоги вот хорошие, из лосиной кожи. И все равно видно — ношенные. Вместо меча — длинный рыбацкий нож, с которым, Юго был уверен, недоучка управлялся не хуже, чем с мечом.

Куда это он такой красивый собрался?

И как было следом не пойти?

Юго держался в отдалении. И шел, стараясь не слишком цеплять недоучку взглядом. Тот же переступил через нищего, бросил монету другому попрошайке. Отмахнулся от излишне ретивой шлюхи, которая, обиженная на отказ, разразилась бранью.

Мелочи, мелочи...

Что из них важно?

Юго решит. Потом.

Безымянная таверна — вывеску давным-давно обглодали дожди — стояла на углу. Недоучка огляделся, нахмурился: чем-то не по душе ему место пришлось, — но все же вошел внутрь. И Юго, выждав некоторое время, нырнул следом.

Низкая дверь. Высокий порог. Пол земляной, утопанный и укрытый соломой. Печь чадит, и едкий дым заполняет помещение. Юго зажал нос и глубоко вдохнул, привыкая.

Ну вот что за тип? Вечно его в грязь какую-то тянет... сидел бы в замке.

Недоучка беседовал с человеком самой неприметной внешности. Невысокий, но и не низкий, средней полноты, какой-то серолицый — впрочем, в дыму все немногочисленные посетители таверны были одинаково серолицы, — но даже среди них человек терялся. Юго позавидовал этакому умению, хотя и на него самого внимание обращали редко.

Человек что-то говорил, то и дело останавливаясь.

Доносчик?

Плохо, если так... Юго предупреждал нанимателя, что у любой тайны есть свой срок хранения. Вышел, значит. И не рано ли вышел? Наниматель осторожен. Юго сомневался, что его еще кто-то знает в лицо. Но тогда о чем разговор?

Подобраться ближе?

Опасно.

И чутье подсказывало — ждать. Он и ждал. Смотрел.

Подали вино, и Серый поднял замызганный деревянный кубок, словно предлагая выпить за что-то. Недоучка последовал примеру. И когда он сделал глоток, чутье Юго взвыло.

Трактирщик, подходя к столу, старательно отводил взгляд... и не поднос поставил на стол, а кубки роздал. Разделил.

Чтобы не перепутали.

Серый взял свой первым, не оставляя недоучке выбора. И выпить тот должен, если хочет иметь дело с Серым. А недоучка хочет. Что-то ему такое рассказали... Что?

Выпил.

Оба перевернули кубки, показывая, что не осталось на дне злого умысла.

Идиот! Ну как можно было попасться так глупо! Юго с трудом сдерживался, чтобы не заорать от злости. А недоучку повело. Он, кажется, сообразил-таки, попытался подняться, и у него получилось. Вцепившись в край стола, недоучка простоял несколько секунд, которых хватило, чтобы двое типов успели подхватить тело.

Лишь бы не отравя... не должна быть. Яд — это грубо. Обнаружат при вскрытии...

...наниматель расстроится.

Юго и так уже расстроен. До того расстроен, что готов убить и Серого, и этих двоих, что тащат недоучку из таверны. Держат почти бережно. И на улице вряд ли кто обратит на них внимание: парни не бросили в беде перепившего друга. Молодцы.

Уроды.

Серый выходит спустя минуту. Юго следом. Его по-прежнему не видят, да и сумерки на руку. Осенью темнеет быстро, особенно там, куда и летом солнце заглядывать не спешит.

Переулок... улица... переулок. Вонь крепчает. Пахнет рыбой и смолой. Пристани где-то рядом.

Ругань.

Женский визг. Вой собаки. Парочка шлюх, слишком старых, чтобы работать днем, пытаются привлечь внимание Серого. Тот огрызается...

Пустырь. Слепая стена дома. Дорога, сохранившая остатки мощения. Канавка, заполненная жидкой грязью. Место назначения.

Недоучке позволяют упасть. Пинают. Долго, но без особого усердия, и Юго отчасти успокаивается: живой, значит. Мертвецов бить бессмысленно.

— Лицо не трогать. Его опознать должны, — приказывает Серый.

Вытащив из кармана алхимическую свечу, он раскручивает фитиль. Пламя бледное, но ровное. И металлический штырь с печатью накаляет быстро.

А это зачем?

— Поверни, — приказывает Серый. — Да голову ему поверни. И волосы убери.

— Так это... на лоб, может?

— Дурак ты. — Серый присел рядом с телом. Раздалось характерное шипение, донеслась вонь паленой кожи. — Нам что велено? Клеймо поставить. А где, не сказано.

— И чё?

— И ничё. Если на лбу поставить, то любому идиоту ясно станет, что ничего случайного тут нет. А так — вышел благородный лэрд погулять да загулял не туда. Перепил. В драку ввязался и...

Серый поднял камень и с коротким замахом припечатал о затылок недоучки.

Может, все-таки сразу их зачистить, не дожидаясь, пока бедолагу на тот свет спровадят?

— ...получил по голове. Чувств лишился. И замерз насмерть. К утру. Сам виноват. Нечего ходить, где не следует. А тело и обобрали. Сними с него сапоги.

Стянули.

— Так это... туда? — указали на канаву, и Юго приготовился.

Нельзя дать недоучке умереть. А в воде при нынешней температуре он долго не протянет.

— Нет. — Серый отверг рациональное предложение. — Утром найти должны.

Хрена им. Нет, Юго плевать на недоучку: сам виноват. Определенно, сам. Но нынешнее представление нарушало планы нанимателя, которые в случае смерти недоучки потребовали бы коррекции и задержали бы Юго в этом мире.

Именно так.

Отсюда и злость.

Он дождался, когда троица разойдется, предположив, что Серый отправится собственной дорогой. И оказался прав. Юго не позволил ему уйти далеко и, настигнув в переулке, ударил в спину. Узкий плоский клинок пробил одежду и плоть, вошел между

позвонками. Серому вряд ли было больно, скорее он даже не понял, почему отказали ноги.

Упасть Юго не позволил. Усадил у стены и спросил:

— Что было в напитке?

Серый ответил после секундной запинки. Другой клинок с узнаваемым клеймом на пятке рукояти — Юго собирался оставить для дома Дохерти подарок, — упертый в глаз, стимулировал к беседе.

— Сонное зелье.

Значит, не яд. Хорошо. Плохо, что спрашивать состав бессмысленно: местные травы Юго неизвестны.

— Как долго будет спать?

— Часа два. Три.

Хватит, чтобы замерзнуть. Или ослабеть настолько, чтобы не проснуться. Оставался последний вопрос.

— Кто заказчик?

Ответ был дан. И Юго со спокойной душой вогнал клинок в глаз. Смерть Серого была легкой, пожалуй, даже слишком. Юго, раскрыв рот покойнику, сунул в него тот самый штырь с круглым клеймом. Жаль, раскалять времени не было.

Недоучка лежал ничком. Ощупав затылок, Юго убедился, что рана особой опасности не представляет: разорваны мягкие ткани, но кость цела. И кровотечение на холоде остановилось быстро. Оставалось решить другие проблемы.

Перевернув тело на спину, Юго вогнал в шею дозу стандартного антидота. Подумал и добавил дозу адреналина. Пять. Четыре. Три...

Недоучка дернулся.

Ну же, вставай!

Два...

Флакон с нюхательной солью Юго стащил просто от скуки. Собирался выкинуть, но как-то руки не дошли. И теперь вот пригодилось.

Мерзкий запах заставил недоучку пошевелиться.

Открыть глаза...

Вот так-то лучше. Зрение все еще расфокусировано, и у Юго есть время убраться. Недалеко. Если у недоучки не хватит сил добраться до дома, то придется придумывать еще что-то.

Будет знать, как пьянствовать в сомнительных компаниях.

Урфин очнулся в канаве, поднял его запах. Мерзкий резкий смрад нюхательной соли, которую кто-то настоятельно совал под нос. Урфин попытался отвернуться, но понял, что сейчас умрет.

Холодно.

Настолько холодно, что пальцы онемели. Падает снег. Касается губ, но почему-то не тает. И Урфин пытается эти губы разомкнуть, чтобы слизать снежинку. Пить хочется невероятно, а снег — это тоже вода.

Надо открыть глаза.

Открыл. Никого. А запах? Ведь кто-то был... ушел.

Зачем?

Куртка промокла... да весь он промок. И в грязи изгваздался... что-то черное, липкое.

Что случилось?

Он помнил пожар. Огонь яркий, слепящий. Жар, от которого шевелились волосы. Запах паленого волоса и дерева. Треск крыши, что проламывается под собственным весом.

А потом?

На попытку разворошить воспоминания голова отозвалась пульсирующей болью. И Урфин все-таки сел. Затем встал. Мышцы деревянные. Кости стеклянные. И мутит... вырвало. Кислым. Винным.

Пил? Когда? Утром — точно нет. Значит, уже вечером. Где?

Пустота.

Но место он знает. Тоже склады, но алхимиков... он проверял их лично. Многие были недовольны. Но Урфином всегда недовольны, это же еще не повод, чтобы убивать.

Хотя вряд ли его действительно собирались убить.

Собирались — убили бы. Нет, все иначе. А как?

Он не знает.

Непослушными пальцами Урфин ощупал голову. На затылке волосы слиплись комом, и малейшее прикосновение к нему отзывалось вспышкой боли.

Надо выбирать... хорош он будет, если сдохнет вот так — в канаве. Вспомнить бы, что случилось... кошелек сняли, сволочи. И нож тоже... сапоги стянули. Правильно. Пьяный — честная добыча. Или недобиток. Та сволочь, которая это сделала, пожалеет. Урфин непременно все вспомнит.

Только сначала дойдет до дворца и согреется.

Глава 5

Ночные приключения

Только истинная леди способна долго выдерживать общество настоящего джентльмена.

Из жизни истинных леди

Тисса проснулась оттого, что кто-то тряс ее за руку. Она хотела завизжать, но узкая ладонь зажала рот.

— Леди, это я, Гавин. Мне очень нужна ваша помощь. Пожалуйста, не кричите... умоляю.

Тисса кивнула — кричать не будет, — и Гавин руку убрал.

— Что ты здесь делаешь?

Сердце колотилось: все-таки пробуждение было несколько необычным, да и само присутствие Гавина в их с Долэг комнате представлялось чем-то невероятным. Как он вошел, ведь дверь запирали?

И почему ночью?

В таком виде?

Растрепанный, босой и одет явно наспех.

— Что случилось?

— Идемте. — Гавин подал халат и домашние туфли. — Скорее.

Он вытянул Тиссу в коридор, а из него — в другой коридор. И шел так быстро, что Тисса с трудом успевала. А если кто-то встретится? Она в таком виде... в халате поверх ночной рубахи. И коса, на ночь заплетенная, рассыпалась почти. И неумытая... Ушедший, она скорее похожа на служанку, чем на леди.

...и хорошо, что похожа, потому что леди по ночам не разгуливают...

— Да куда мы...

— Уже близко, — пообещал Гавин. И не обманул. Он толкнул какую-то дверь — в этой части замка Тиссе бывать не случалось — и велел: — Заходите.

Дверь тотчас закрылась.

Первое, что увидела Тисса, — книги. Полки занимали всю стену, и на них не было пустого места. Книги толстые, в темных переплетах, и тонкие, узкие, вклинившиеся между пухлыми томами. Книги крохотные, с ладонь Тиссы, и огромные, которые она вряд ли сумеет удержать в руках...

Противоположная стена была обыкновенной — с оленьими рогами, перекрещенными мечами и камином. На каминной полке нашлось место массивным часам, которые показывали двадцать минут четвертого. Рань несусветная... у камина стояло кресло. А в кресле сидел тан.

Точнее, Тиссе сначала показалось, что он сидит.

А потом она поняла, что их сиятельство без сознания.

— Гавин!

Она его убьет. Обоих. По очереди. Гавина первым. Он мельче. И он участвовал... в чем, правда, Тисса пока не поняла, но явно в том, что погубит остатки ее репутации.

Гавин, предчувствуя грядущую скорую гибель, попятился:

— Леди, он... пришел вот. Иногда он приходит поздно. Или рано. И бывает, что грязный, как... говорит, это работа такая. А сегодня вот вообще никак. Я хотел доктора позвать. А он сказал, что нельзя. Что ему только согреться надо. Я огонь развел. А он вот...

Тисса видела, что «вот» или уже почти.

Их сиятельство, где бы они ни имели чести пребывать, вернулись в состоянии крайне плачевном. Одежду их покрывала грязь, которая, подсыхая, трескалась и осыпалась на ковер. Цвет ее и омерзительнейший запах навевали мысли о деревенском мужнике и о том, что вряд ли тан искупался в нем добровольно.

— Почему я? — тихо спросила Тисса, понимая, что уйти не сможет.

— Ну вы же леди. И его невеста.

Действительно. Как же она могла забыть?

И обо всем остальном тоже...

...девушке неприлично находиться ночью в покоях мужчины, пусть и жениха.

...неприлично прикасаться...

...и уж тем более делать все, что Тисса сделать собиралась.

Прижав пальцы к шее — очень холодной шее, — она убедилась, что сердце работает. И пульс — странное дело — был учащенным, хотя обычно у людей замерзающих сердце останавливалось.

Заодно выяснилось, что в пути их сиятельство потеряли сапоги и получили удар по затылку. Или сначала был удар, а потом сапоги исчезли?

В городе опасно.

Но разве мужчины когда-нибудь думают об опасности?

— Здесь ванна есть?

— Да. — Гавин — слабая нить, на которой держится репутация Тиссы, — смотрел с надеждой, отчего становилось неудобно. Тисса ведь не героиня баллады, способная чудеса творить. Она просто кое-что помнит. И очень надеется, что этого хватит.

— Набери воды, чтобы была очень теплая, но не горячая. Еще нужно растопить камин так сильно, как получится. И вина нагреть... и есть пуховые одеяла? Лучше, если два или три...

Тисса попыталась вспомнить, что еще делают в таких случаях.

У мамы точно бы все получилось. Она не знала, что столичные леди не изучают лечебное дело, потому что в столице всегда есть доктор. Только их сиятельство с доктором дел иметь не желают.

Еще бы в чувство его привести.

— Ваше сиятельство, — Тисса позвала, не особо надеясь, что будет услышана, — вы должны проснуться.

Нюхательных солей прихватить бы... и ее коробку, в которой еще остались кое-какие травы. Багульник точно был. И чабрец, кажется. Липовый цвет не помешал бы. Ромашка.

С травами Тисса разберется позже.

— Ваше сиятельство... подъем.

Тисса легонько ударила по щеке.

Она, конечно, мечтала отвесить тану полноценную пощечину, но сейчас вдруг стало неудобно. Больных надо жалеть. Ох, но жалость жалостью, а до ванны они с Гавином тана не дотащат — тяжелый. Тисса попыталась с места сдвинуть и убедилась, что сил ее не хватает.

А вот в балладах героини рыцарей с поля брани выволакивали... в доспехе причем.

Иногда и за конями возвращались.

И Тисса, наклонившись, мужественно перекинула руку их сиятельства через плечо. Запоздало подумалось о гневе, в который придет леди Льялл, увидев грязь на халате... и в этот момент рука ожила, как-то хитро обхватила шею Тиссы и сдавила.

Тисса хотела закричать и не смогла.

Сейчас шея хрустнет и... все.

— Гавин! — рывкнул их сиятельство, ослабляя хватку. — Какого хрена тут творится?

И сразу орать. Конечно. Именно Гавин виноват во всем, что с таном произошло.

Тисса потрогала шею. Та была на месте. Голова, что характерно, тоже. И дышать снова получалось. Все-таки надо было не стесняться с пощечинами. Когда еще такой случай выпадет?

— Доброй ночи. — Тисса на всякий случай отступила от кресла. — Гавин сказал, что вы... заболели. И нужна моя помощь. Вы можете встать?

А когда тан злится — она как-то сразу поняла, что их сиятельство и вправду очень-очень злы, — глаза его становятся серыми.

— Вы замерзли. И если не согреетесь, то умрете, — добавила она совсем тихо, испытывая одно желание — сбежать.

— А ты, значит, погреть пришла?

Вот как с этим человеком нормально разговаривать?

Надо успокоиться. Больные люди грубят, потому что им больно. Так мама говорила. А тану, судя по всему, больно постоянно. Наверное, это возрастное, он уже немолодой. Но Тисса потерпит. Ее долг — заботиться о муже.

Хотя он явно против.

— Греть будет ванна. И вино. Горячее.

Их сиятельство все-таки соизволили подняться. От помощи Тиссы отмахнулись, пробурчав:

— Ванна. Вино. Женщина. А я не в состоянии...

— Что «не в состоянии»?

— Ничего не в состоянии. Позор. Гавин!

К счастью, Гавин появился вовремя, чтобы удержать тана от падения. Ну не в одиночку... Все-таки зачем тан таким большим вырос? Это крайне непредусмотрительно с его стороны. Может, поэтому в балладах часто упоминают об изящном сложении героев? Таких, наверное, тащить легче. И коням в том числе.

Над ванной поднимался пар, и Тисса проверила воду. Ну конечно, оставалось их сиятельство только сварить. Ведь сказано же было — теплая, а не горячая. Мама предупреждала, что если вода будет слишком горячей, то сердце может не выдержать.

А у него и так слишком часто бьется.

Пришлось разбавлять холодной.

Их сиятельство стояли, упираясь руками и лбом в стену. Хорошо, что не говорили ничего под руку.

— У вас голова не кружится? — Тиссе, кажется, удалось достичь нужной температуры.

— Кружится.

— Тошнит?

— Уже нет. Ребенок, иди спать. Я сам управлюсь.

Во-первых, вряд ли управится, во-вторых, Тисса всерьез сомневалась, что сумеет заснуть.

— Вы ведете себя безответственно. — Говорить следовало уверенно, но голос предательски дрожал. — И если вы отказываетесь от помощи доктора, то терпите мою.

Вот у мамы получалось разговаривать с больными, ее все слушались, даже папа. Правда, он вечно ворчал, что сам разберется... а мама отвечала, что еще не готова стать вдовой.

— Раздевайтесь, — слотнув, велела Тисса.

— Для тебя — с удовольствием.

Ох, это не только неприлично. Это недопустимо! Особенно если с удовольствием. Правда, оказалось, что руки их сиятельства не слушаются, и Гавину пришлось стаскивать грязную куртку, а потом и рубашку. Тисса поспешно отвернулась.

Однажды она видела папу без рубашки. Но это было давно! И папа — это же совсем-совсем другое... если бы не разбитый затылок тана, которым предстояло заняться, Тисса немедленно бы вышла.

А получалось, что уйти нельзя. Кто бросает дело недоделанным?

И температуру воды следует постепенно повышать.

Их сиятельство в ванну не забрались, рухнули, выплеснув половину воды на пол и на Тиссу, — ночная рубашка тотчас прилипла к ногам. А тан заорал:

— Горячо!

— Сидите. Вам так кажется. Вы просто промерзли насквозь.

Тиссе пришлось обернуться. Она пообещала, что смотреть будет только на затылок... ну некоторые обещания крайне сложно сдержать. Спину тана покрывали старые шрамы и свежие синяки темно-лилового, черного почти цвета. Густо. Плотно.

Страшно.

Как он вообще ходит-то?

И не просто ходит, но, упершись руками в борта, пытается вылезти из ванны.

— Пожалуйста, потерпите. — Тисса положила руки на плечи и поняла, что удержать его просто не сумеет. — Скоро жар пройдет. Вы должны прогреться. А я — осмотреть вашу голову.

Его трясло то мелкой, то крупной дрожью, переходившей в судорогу. Но это — хороший признак. Мышцы отходят. Всегда больно, когда мышцы отходят. Их надо бы растереть... Тисса пытается, но это то же самое, что растирать камень.

— Гавин, помоги, пожалуйста.

Помогает. Сосредоточенно, не обращая внимания на шипение их сиятельства. И лучше бы кричал в самом-то деле...

— Я добавлю горячей. Выдержите?

Кивок. А пульс еще ускорился, но не настолько, чтобы бояться за сердце.

— Ребенок...

— Что?

— Спасибо.

— Не за что. Сейчас посидите, пожалуйста, смирно.

Тиссе нужны были таз, тряпка и ножницы, потому как она подозревала, что просто расчесать слипшиеся волосы не выйдет. И оказалась права. Все спеклось в черно-бурый ком, который не желал размокать. Их сиятельство терпели молча. Лишь однажды попросили Гавина добавить горячей воды.

Волосы вокруг рваной раны Тисса выстригала аккуратно, а когда достригла, тан — ну нейдет ему! — оттолкнул руку и сам ощупал затылок.

— Ты шить умеешь? — поинтересовался он.

— Я пробовала... на овцах.

К людям мама ее не допускала.

— Хорошо. Представь, что я овца.

— Скорее уж баран, — не удержалась Тисса и поспешно добавила: — Овца — девочка, а вы...

— Мальчик. Мальчик-баран. Примерно так себя и чувствую.

В кофре, который принес Гавин, имелся набор игл разной формы и толщины, шелковые нити, ножи и даже струнная пила — ее Тисса только на картинках и видела.

— Извини, но я буду ругаться.

И тан сдержал слово.

К счастью, рана была не такой и длинной, Тисса в пять стежков уложилась. Страшнее всего было прокалывать кожу в первый раз. И она все медлила, уговаривая себя, что это все равно надо сделать, даже если будет больно. А больно будет, потому что Тисса не умеет шить и руки у нее трясутся, но отступать некуда. Второй стежок дался легче. А на третьем тан сказал что-то такое, отчего Тисса едва иглу не выронила... и перестала его слушать.

— Все, — объявила она, отрезая нить. — И вам пора выбираться из воды.

— Сейчас. — Он опять сунул пальцы в волосы, точно проверяя, хорошо ли сделана работа. — Ребенок, глянь, пожалуйста, что у меня за ухом. Жжется...

Он наклонился, чтобы Тиссе было лучше видно.

Не за ухом — на шее.

Красное пятно, размером с медяк. Яркое такое... круг и перекрещенные мечи.

— Это... — Тисса поняла, что сейчас расплачется. — Это клеймо...

Кто-то ударил их сиятельство по голове. Подло. Сзади. И когда тан потерял сознание, избил. Но показалось мало. Еще и клеймо, которое рабам ставят.

И это же навсегда!

Как можно быть настолько жестоким?

— Клеймо, значит. — Тан накрыл ожог большим пальцем. — Вот с-с... сволочи. Ничего. Я злопамятный. Найду — сочтемся. Так, о том, что тут было, никому. Ясно?

Тисса хотела ответить, что само собой не собирается никому рассказывать, и вовсе не потому, что их сиятельства боится. Но вместо слов получился всхлип. И тан обернулся.

— Эй, ребенок, ты чего? Плачешь?

Если бы не спросил, Тисса справилась бы. А тан спросил, и она разревелась.

— Из-за этой ерунды? Оно и стоит-то так, что не увидишь. А волосы отращу, совсем скроется...

Да разве в этом дело? Он же сам будет знать про клеймо. И про то, что Тисса знает. И тот, кто поставил, тоже. И вообще нельзя так с людьми.

— Так чего плакать?

— Мне... мне вас жалко.

Она вытерла глаза рукавом, убедившись, что тот уже мокр и грязен. И кроме земляных пятен виднелись другие — крови. Их-то точно не выйдет застирать. Но это уже не казалось важным.

Надо успокоиться.

Леди не ревут.

Хотя они и не сидят ночью в чужой ванной комнате в то время, когда хозяин этой комнаты изволит принимать ванну.

И выглядят иначе... а Тисса в мокрой грязной рубаше похожа... да лучше не думать о том, на кого она сейчас похожа. Наверное, Тисса никак не леди, если легко забыла, чему ее учили.

Но тана удалось из ванны извлечь, уложить в кровать и напоить горячим вином. Он больше ничего не говорил, но только смотрел как-то грустно. И от этого взгляда ушедшие было слезы грозили вернуться. Уснул он почти сразу, и Тисса решила-таки обработать ожог мазью, благо в кофре имелось множество средств, и некоторые Тиссе удалось опознать.

— Это дашь завтра утром. — Тисса отставила флакон темно-красного стекла. — Три капли в горячей воде. А это — в обед. Если будет сильный кашель или вдруг лихорадить начнет, зови доктора. Даже если возражать станет. Проводишь меня?

Гавин кивнул. К счастью, на пути никто не встретился. И лишь у самых дверей в комнату Гавин осмелился сказать:

— Мой лорд очень хороший.

Замечательный просто. Если бы он еще и помалкивал иногда...

...и вел себя как подобает лорду...

Хотя разве вправе Тисса требовать от кого-то пристойного поведения, когда она сама недавно нарушила все мыслимые и немыслимые правила?

К счастью, Долэг спала. Бедняжка испугалась бы, проснись одна среди ночи. После ухода девочек в комнате стало совсем пусто... и Тисса, конечно, им не завидовала. Ничуть. Зависть — очень плохое чувство. Она радуется, что у них будет настоящий дом. И семья... и вообще, у Тиссы тоже будет и дом, и семья. Если, конечно, их сиятельство доживут до свадьбы.

Это было бы крайне любезно с их стороны.

— Леди, — этот голос Тисса узнала бы из тысячи, — соблаговолите объяснить, где вы так... интересно провели ночь.

Утро началось не очень хорошо.

К завтраку подали записку от леди Льялл, где сообщалось, что «по ряду уважительных причин леди Тисса не имеет возможности сегодня исполнять возложенный на нее долг, в чем бесконечно раскаивается...».

Слов было много. И смысл как-то среди них потерялся, хотя я трижды прочла послание.

— Возможно, — Ингрид, взяв серую бумагу, пробежалась взглядом по ровным строкам, — сегодня тот день месяца, когда девочке лучше немного отдохнуть.

То есть... о, мне следовало бы самой додуматься. В последнее время наша светлость стала утомительно недогадлива.

Навестить Тиссу? Она смутится. И нервничать будет, что вряд ли на пользу...

Нет. Пусть отдыхает.

Второй неприятной неожиданностью — вернее, я чего-то подобного как раз и ожидала — стал дерзкий побег Лорда Мыш. Обнаружив, что роскошный особняк пуст, фрейлины пришли к единогласному решению — Лорд Мыш предпочел опорочить имя и скрыться, но избежать навязываемого брака. Имелась у меня другая версия, связанная с одной наглой рыжей мордой, которая изо всех сил делала вид, что не возражает против пребывания посторонних мышей на вверенной ему территории. Однако озвучивать версию было бы

крайне бесчеловечно. Пусть лучше леди придут к очевидному выводу, что все мужчины, вне зависимости от наличия или отсутствия хвоста, — сволочи, нежели проникнутся неприязнью к Коту.

Майло, раздав фрейлинам бумажные сердечки в утешение, клятвенно пообещал найти другого Лорда, более склонного к брачным узам, но все согласились, что это уже будет не интересно.

В общем, свадьба откладывалась на неопределенный срок.

А бумаги оставались.

И неприятное чувство, что наша светлость что-то упускает из виду. Мыслей было слишком много. Ответственности, свалившейся с небес. И надо бы что-то решать. Сейчас, пока для моих воздушных замков даже фундамент не заложен.

Всем помочь не выйдет: это аксиома. А как выбрать? Как бы цинично ни звучало, но хоть ты кубик бросай. Или бери то, что сверху лежит... Нет, попробуем подойти логически. Те вопросы, которые терпят, потерпят еще немного. Остается то, что касается здоровья и выживания.

— Ингрид, а золотой — это много? — Я попыталась оценить предстоящие расходы.

— Смотря для чего.

— Для жизни. Не моей жизни, — на всякий случай уточнила я, ибо чувствую, что наша светлость живет с размахом. — Обычному человеку. Бедному.

— Много. Двадцать медяков — один серебряный талер. Десять талеров — золотой. Есть еще двойной золотой, но он скорее полуторный, если по весу судить.

— Ты такая умная! — выдохнула Тианна и, взмахнув ресницами, которые были длинны, черны и роскошны, добавила: — Но тебе уже можно.

— А тебе нельзя? — поинтересовалась я.

— Конечно, нельзя. Я ведь замуж еще не вышла, хотя папа уже и договорился.

То есть умнеть можно после замужества? Что за народная примета?

— Женщина не должна быть умнее мужчины. — Тианна приняла изысканную позу. — Это может поставить его в неловкое положение.

И тень улыбки в уголках губ. Кажется, я слегка ошиблась, оценивая эту темноволосую диву. Нужен недюжинный ум, чтобы настолько умело притворяться душой.

Но с бумагами-то что делать?

Думай, Изольда, думай...

Дело не в том, где взять деньги сейчас. Лорд-казначей, конечно, будет категорически против очередного набега на золотые запасы, но в конце концов, накатав кляззу моему супругу, уступит. Дело в том, где брать деньги постоянно... и как организовать работу, чтобы не приходилось раз в полугодие разгребать завалы.

Ох, ну почему среди всех книг, которые мне случилось прочесть, включая пособие по стервоведению, оптическую физику для любознательных и определитель птичьих яиц — там я только картинки разглядывала, — не попалось ни одного самоучителя вроде «Создаем службу социальной помощи: 5 шагов к успеху».

Или еще вот «100 советов по управлению государством: учимся на чужих ошибках».

Черт, научусь — напишу непременно.

— Это и это, — я указала на меньшие стопки, — необходимо сложить, но аккуратно. Я пересмотрю их на досуге...

...возможно, найдется что-то интересное или, напротив, лишнее смысла.

— ...а эти просьбы попробуем удовлетворить. Но сначала подсчитаем, сколько уйдет денег. Тианна, ты будешь нумеровать каждую бумажку и диктовать Ингрид сумму, которую просят. Я потом подобью итог...

...даже если лорд-казначей откажется оплачивать эту мою прихоть — почему-то он все, что я делаю, считает именно прихотью, то напомним ему об одном договоре, согласно которому нашей светлости содержание полагается. В золотом эквиваленте ее веса.

Надеюсь, Кайя поймет правильно.

И вообще, я не заставляла его этот пункт вносить. А инициатива, она всегда наказуема.

— ...и то же самое надо будет сделать по лечению.

Здесь, опасаюсь, многие просьбы потеряли актуальность. Ничего, наша светлость исправит ситуацию. Она полна здоровой злости и желания изменить мир. Главное, чтобы мир это выдержал.

И тут я поняла, что меня беспокоит.

Не бумаги. Не жалобы. Не дела и не собственная неспособность с лету во всем разобраться. Отсутствие Тиссы.

Нет, записка запиской, но... почему ее писала леди Льялл? Тисса постеснялась? Хорошо. За все время, что мы знакомы, девочка не прогуляла ни одного дня. Допустим, сегодня исключительный случай, но в одно я не верю — в то, что леди Льялл позволит воспитаннице отлынивать от долга лишь потому, что критические дни выдались совсем уж критическими. Следовательно, произошло нечто куда более серьезное. А я со спокойной душой просто отвернулась.

— Ингрид... — Я присела на стул и усилием воли разжала кулаки. Мир изменять? Глобально? Я и локально справиться не могу. — Если Тисса не... больна, то почему она могла не прийти?

Моя старшая фрейлина, устроившись за столом, наводила порядок среди письменных приборов. Чернильница. Перья. Ножи для перьев. Песок. Графитовая доска с серебряной рамкой, в которую следовало заправлять листы. Сами листы.

— Не знаю. — Пожатие плечами: какая разница.

Не понимаю я их. Ингрид ведь способна испытывать сочувствие. И любить. И вчера она вполне искренне наряжала Тиссу, а сегодня даже не поинтересовалась, что с ней.

И я не лучше.

Реформаторша фигова.

— Возможно, — примиряющим тоном сказала Ингрид, — она в чем-то провинилась и наказана. Это тоже случается. Иза, гувернантка знает, что делает.

Пускай. Но я должна убедиться, что с девочкой все в порядке.

Леди Льялл — волчица в саржевом платье. Серый цвет. Узкий кринолин. Она, как и многие другие, верна старой моде. Два ряда пуговиц по лифу линией Маннергейма. И жесткий воротничок, подпирающий подбородок. Голова запрокинута, отчего кажется, что леди Льялл смотрит свысока.

Возможно, что смотрит.

Ее волосы тщательно уложены, и ни один локон не выбивается из прически. Мне она напоминает ведьму. А я ей?

— Ваша светлость. — Холодный тон и реверанс на сладкое. — Бесконечно рада видеть вас. И к вящему моему сожалению, вынуждена признать, что ваш визит более чем

своевременен.

Сержанта она предпочитает не заметить.

Многие так поступают. По-моему, он только рад, и мои попытки наладить общение Сержанта пресекает вежливо, но однозначно. Он лишь охрана.

Пусть так, если охота.

— Могу я узнать, что с Тиссой? — Я смотрю леди Льялл в глаза.

Я знаю, что здесь это не принято, но сейчас нашей светлости плевать на глубины этикета.

— Это крайне досадное происшествие, которое опечалило меня до глубины души. Со всей скорбью вынуждена признать, что я не справляюсь со своими обязанностями. Прошу вас уделить мне несколько минут вашего драгоценного времени. Боюсь, предстоящая беседа будет нелегкой.

В классной комнате царил ужасающий порядок.

Два стола. Два стула. Две доски. Два мольберта. Книги на полках выстроены по ранжиру. Ковровые дорожки параллельны друг другу. И лишь инструмент, с виду напоминающий пианино, нарушает строгую симметрию. Впрочем, на блестящей его поверхности ни пылинки.

— Присаживайтесь, ваша светлость, — любезно предлагает леди Льялл.

Куда?

За стол. Слово я ученица... ученица, пусть учителя у меня другие. И не слишком усердная, надо признать. Мне скучно запоминать, чем отличается ложка для икры от ложечки для мороженого.

Сержанта держится у двери, не сводя с леди Льялл взгляда. Не нравится ему? Или покушение подозревает? Я представила, как леди Льялл с изящным фехтовальным разворотом тычет в нашу светлость указкой. Или неизящно, но, подозреваю, от чистого сердца обрушивает на макушку вон тот фолиант в коричневой коже. И как-то очень реалистично воображать выходит.

Боюсь я этой женщины. Она же не спешит садиться.

— Я знаю, что ваша светлость не всегда одобряли мои принципы воспитания. Однако весь мой опыт говорит о том, что лишь строгость и твердая рука способны удержать юную душу от неблагоприятных поступков.

Что-то похожее я уже слышала про твердую руку. И последствия ее применения имела счастье лицезреть.

— И нынешнее происшествие лишь убедило меня в собственной правоте.

— Могу я узнать, что же все-таки случилось?

Пока еще нервы остались. Доведут они меня до седых волос... я даже потрогала волосы, точно на ощупь можно было убедиться, что они по-прежнему черны. Во всяком случае, по-прежнему кучерявы.

— Леди Тисса ночью самовольно покинула...

...расположение части...

— ...комнату. И вернулась под утро в исключительно неподобающем виде.

А это уже не смешно.

Куда дурочка бегала? Известно куда — туда же, куда бегут, роняя тапки, все юные девицы, — на свидание. О проклятье на мою несчастную голову...

...уйду. В подземелья.

— Она отказалась говорить о том, где была и чем занималась. И я вынуждена была пригласить доктора Макдаффина, чтобы он...

Я прервала ее речь жестом.

— Сержант, выйди, пожалуйста.

К счастью, он спорить не стал, видимо понимая, что разговор переходит в совсем уж интимные области. Мне самой не хочется слушать то, что собирается сказать леди Льялл.

— ...осмотрел девушку. Доктор утверждает, что она все еще невинна. И хотя я не сторонница телесных наказаний, однако упрямство Тиссы вынудило меня прибегнуть к крайним мерам.

Я ее убью. Если она что-то сделала с этим ребенком, я ее просто убью. Без суда. Без приговора. И даже без посторонней помощи.

Но выдержки хватило, чтобы расцепить зубы и задать вопрос:

— Где Тисса?

Глава 6

Последствия

Не знаешь, что делать?

Делай что-нибудь, и ответы придут...

Совет оптимиста

Комнатушка, больше похожая на камеру, и квадрат окна под потолком лишь усугубляет впечатление. Окно прорублено в камне и застеклено весьма символически. Камина нет. Холод такой, что дыхание видно. На стенах изморозь.

Тисса за столом что-то сосредоточенно выписывает из толстенной книги, лежащей по левую руку.

— Ваша светлость. — Она откладывает перо и кланяется.

Точно убью... не ее, конечно, ни один загул не стоит такого наказания. Но, похоже, разговору, который я откладывала до последнего, все-таки суждено состояться.

— Идем, — я беру плащ, который протягивает Сержант, и набрасываю на плечи девочки, — тебе надо согреться...

А мне — успокоиться. Для начала.

Леди Льялл не пытается остановить нашу светлость и правильно делает. Я понимаю, что это — другой мир и здесь свои порядки, что девушкам не положено бродить по ночам, а гувернанткам положено следить за моральным обликом подопечных, направляя их по жизненному пути твердой рукой. Что, возможно, по местным меркам Тисса вполне заслужила наказание. Но... это же садизм! Изощренный бытовой садизм.

Я не позволю над ней издеваться.

Постепенно остываю, благо Сержант, понимая мое состояние, ведет нас кружным путем. И выводит отнюдь не к гостиной, где трудятся фрейлины. Мы идем сквозь Галерею Химер и оказываемся у дверей нашей с Кайя спальни.

— Не думаю, — поясняет Сержант, открывая дверь, — что вам нужны вопросы.

Не нужны. Он прав.

Золотой человек.

Но комнату проверяет с обычной тщательностью. Мне особенно нравится то, что он не забывает под кровать заглянуть: если там когда-то и жил бабайка, то давным-давно переселился. С Сержантом никакая нечисть связываться не захочет, и в чем-то я ее понимаю.

Он деловито разводит огонь в камине, но тот разгорается медленно. И Тисса все еще дрожит. А в глазах такая обреченность, что мне становится страшно. От нашей светлости она тоже ничего хорошего не ждет.

— Девушке следует поесть.

Это я и без Сержанта знаю. Поесть. Согреться. И успокоиться. А мне — понять, как себя вести.

— Пусть Майло сбегает на кухню. Куриный суп... любой суп, который есть. Если нет, пусть сварят. Мясное обязательно. И чай горячий. Хорошо, если есть малиновое варенье. Садись.

Я говорю это Тиссе. И она подчиняется.

— И что за книгу ты переписывала?

— «Наставления для юных леди».

Вспомнив толщину книги, я порадовалась, что никак не юная леди и читать сей монументальный труд нашей светлости не придется.

— И ты все должна была переписать?

— Нет. Только главу, где... — Она запнулась, но все-таки продолжила: — Где рассказывается о том, какая судьба ждет девушек, которые... которые слишком легкомысленны. И позволяют себя скомпрометировать.

Подозреваю, что судьба их страшна. А Тисса, горбясь, продолжает:

— Они совершают падение и оказываются на улице, где вынуждены предаваться разврату... до самой смерти.

А может, все-таки прочесть на досуге сию увлекательную книгу. И запретить во имя спасения невинных душ, которые в эту чушь верят. Только, вспоминая один подслушанный разговор, эта вера — удел избранных. Остальным же закон не писан, и леди Лоу вряд ли когда-нибудь окажется на улице. На ее долю и в замке разврата хватит.

— Тисса, что все-таки произошло? — Я занимаю кресло, в котором обычно сидит Кайя, с трудом преодолев искушение забраться с ногами. Еще бы плед... даже в этой комнате, которую отапливают не только камин, но и спрятанные в стенах трубы с горячей водой, прохладно.

На вопрос мой Тисса отвечать не спешит.

Из страха? Неужели думает, что я ее выгнать собираюсь? Но что ей еще думать? Она знает правила игры и убеждена, что нарушать их нельзя, что за любой проступок последует наказание. А проступок ее столь ужасен, что и гром небесный будет заслуженной карой. И словами эту уверенность не переломить.

Ладно, попробуем зайти с другой стороны.

— Леди Льялл сказала, что ты ночью куда-то ушла, а вернулась под утро. Это правда?

— Да, ваша светлость.

— И где ты была?

Пункт «непотребного вида» я решила опустить.

— Я... я не могу сказать, ваша светлость.

— Тисса, я не собираюсь тебя наказывать. Или осуждать. Я лишь хочу понять, что с тобой происходит.

Молчание. Виновато опущенная голова. И выбора у меня не остается.

— Как далеко зашел ваш с Гийомом роман?

— Гийом? А при чем здесь... — Заминка. И удивление в глазах сменяется искренней обидой. — Вы... вы неправильно подумали. Я бы никогда... я...

Похоже, я действительно немного промахнулась.

— Он... он писал мне письма. Но я не соглашалась встречаться! Я... я просила его оставить меня... трижды, — тихо добавила Тисса, кутаясь в плащ.

А вот о письмах наша светлость впервые слышит. Вот же скотина улыбчивая... письма, значит. Любовные. Надо думать, душевные до умопомрачения. И Тисса не поддалась? Железная девочка.

— Прости, пожалуйста. Мне казалось, что он тебе нравится.

— Сначала — да. — Девочка выдохнула с облегчением. Похоже, тайная переписка ее изрядно измучила. — Он был таким...

— ...романтичным.

— Да. Но это все равно было бы неправильно. Нехорошо.

Да здравствует высокая мораль, аки естественная защита юных дев от коварных соблазнительей! Нет, книгу я все же прочту обязательно.

— Сперва я не отвечала ему, ваша светлость. Я думала, что он сам поймет. А он все писал и писал... и... я написала, что нам не суждено быть вместе. И попросила прекратить. А он... — Тисса все-таки решилась протянуть руки к огню. — И я не знаю. Письма стали другими. Злыми. Там были не очень хорошие вещи про других людей.

...что не сочетается со светлым рыцарским образом, который постепенно самоликвидировался. Ладно, вопрос с перепиской замнем: у всякой приличной девушки должен быть свой маленький девичий секрет. Но тайна нынешней ночи осталась неразгаданной. Не сокровища же она искала в осеннем саду!

Думай, Иза...

Если не Гийом, то кто остается, сколь бы ни парадоксальной представлялась догадка?

— Тисса, — я говорила, глядя ей в глаза, — скажи, в твоём... отсутствии виноват Урфин?

Угадала.

По лицу вижу, что угадала.

Вот же сволочь блондинистая. Я не знаю, в какую авантюру он втянул Тиссу, но должен был бы понимать, чем это приключение для нее обернется. Или в очередной раз подумать не успел?

— Я обещала никому не говорить.

— А ты и не сказала. Я сама догадалась.

Подробности же выясним при личной встрече, которая состоится немного позже. Но будет теплой. Я бы сказала — горячей.

Беседу прервал стук в дверь: принесли куриный бульон с солеными гренками, ягнячьи ребрышки под острым соусом, блинчики... в общем, много всего принесли. В двойной порции.

Нет, Сержант — это чудо. Как он узнал, что наша светлость тоже проголодается?

— Ешь. — С огромной охотой подаю личный пример, которому Тисса, однако, не спешит следовать. По глазам вижу — голодна, но держится.

— Ваша светлость, я наказана. И это справедливо.

Да неужели?

— Неважно, что было причиной моего поведения, оно недопустимо. И леди Льялл... она не такая строгая, как вы думаете.

Строгая? Да эта Мэри Поппинс местного разлива меня в дрожь ввергает своим видом. С ней я тоже разберусь. Но позже.

— ...прежде она никогда не применяла розги...

...не хватало еще...

Стоп. Прежде?

— ...я всецело заслужила сегодняшнее наказание. Видите ли... моя репутация и так находилась под угрозой, а после того, что произошло... леди Льялл не просто так появилась. Ей кто-то сказал. Кто-то видел, что я сделала. И теперь все узнают.

Она разом сникла и почти прошептала:

— ...и если их сиятельство на мне не женятся, то...

...то это будет последнее, что Урфин не сделает в жизни.

— Женится. Лично прослежу, — уверила я Тиссу, у которой перед глазами явно стояла улица, где отчаявшиеся девы вынуждены предаваться разврату до конца жизни.

— Ешь.

Приказа Тисса послушаться не посмела. Ела она аккуратно, стараясь не глядеть на меня, словно стесняясь и собственного голода, и самого факта пребывания в спальне наших светлостей. Мне же следовало прояснить еще кое-что.

— Как понимаю, их сиятельство, — чтоб им икалось сиятельнейшим образом, — тебя больше не пугают?

Тисса кивнула, но как-то неуверенно. То есть еще сама не поняла, или пугают, но не так сильно, как прежде? Она разлила чай и, пригубив, поморщилась. Добавила сахара. И еще чая.

— Горький какой-то.

И пахнет весьма характерно. Принюхавшись, я поняла, что с легкой Сержантовой руки чай крепко сдобрили бренди или чем-то вроде. Скорее даже бренди разбавили чаем. Пожалуй, наша светлость воздержится. А Тисса пусть пьет, ей для снятия стресса полезно.

Тисса и пила. Молчала. Потом, наконец, призналась:

— Он... не такой, как я думала.

То есть не совсем, чтобы злое зло, тьма, смерть и разрушение? И проблески совести виднеются где-то на горизонте.

— Но... ваша светлость, зачем я ему нужна? Раньше я думала, что у него нет выбора. Но Долэг сказала, что ей Гавин сказал, что его отец говорил старому лэрду, что имеет двоих дочерей и... и Деграсы — хороший род. Древний. Богатый. Породниться с ними — большая честь.

Гавин — умница. Не знаю, насколько сказанное правда, и уж точно сомневаюсь, что сам Урфин в курсе чужих на него матримониальных планов, но сам факт наличия соперниц весьма способствует пробуждению здорового женского эгоцентризма. И кажется, неведомые мне дочери барона Деграса задели Тиссу куда сильнее, чем она пытается показать.

— Может, ты просто нравишься?

— Ваша светлость... — Тисса, позабыв про этикет, держала чашку в ладонях и, склонившись, вдыхала ароматный пар. Вот что алкоголь животворящий с людьми делает. Надо было сразу беседу с чая начинать. — Люди не женятся только потому, что кто-то кому-то нравится. Да и... он же все время надо мной смеется! Я сама знаю, что некрасивая. И что на клавишине играю плохо! У нас не было клавиш. И голоса у меня тоже нет... и манеры не такие, как здесь! Меня мама учила. Журналы выписывала... дорогие... хотела, чтобы я настоящей леди была. А у меня не получается.

Так, пожалуй, с чаем пора завязывать. Нехорошо, конечно, несовершеннолетних спаивать. Вроде и доза небольшая, но после бессонной ночи да пережитого Тиссе и ложки бы хватило.

Кружку отбираем.

Ведем к кровати. Здоровый сон — лучшее лекарство от всего.

Из платья Тисса выпутывается сама и на кровать забирается без возражений, обнимает подушку и бормочет:

— И... и я сдерживаюсь. Я маме обещала, что буду вести себя достойно. Но если бы вы знали, как мне иногда хочется его ударить... — Она мечтательно зажмурилась.

Мне тоже. Но я никому ничего не обещала, поэтому и сдерживать себя не буду.

Магнус разглядывал клеймо долго. Трогать не стал, за что Урфин был премного ему благодарен.

Болело. От макушки до пяток, и пятки, что характерно, тоже болели. Но клеймо ощущалось особо — дергающая огненная метка. И огонь продолжал вгрызаться в кожу, хотя Урфин знал, что такое невозможно. Хотелось содрать клеймо, неважно — со шкурой, с мясом, хоть бы до смерти, лишь бы насовсем.

Магнус не позволит делать глупости.

— Повезло, что не на лбу. — Шутить не получается.

И рука сама тянется к шее. Не трогать. Забыть. Столько всего забыть получалось, так неужели эту пакость из памяти не выкинуть? Подумаешь, еще один шрам.

— Ерунда.

— Не ерунда. — Магнуса не проведешь. — Ты и сам это знаешь. Себе нельзя врать, мальчик мой.

И еще по голове погладил, отчего вовсе тошно стало.

Не надо его жалеть!

— Я лично его искать буду, — пообещал дядя, руку убирая. — А как найду, то долго говорить станем...

Он мечтательно зажмурился, и от улыбки его, безумной, такой, которую Урфин давненько уже не видел, стало не по себе.

А если сорвется?

Тот, кто напал, — просто идиот. И потому, что напал. И потому, что живым выпустил. Ложная цель, на которую нельзя отвлекаться, как бы ни хотелось. Месть мостью, но позже. Да и не нужна Урфину помощь: сам управится.

— Ты не прав, дорогой. Он не тебя обидел. Он семью обидел. Такое не спускают.

Урфин и не собирался спускать. Опыта у него, конечно, поменьше, чем у дяди, и надо как-то упущенное наверстывать, раз уж случай подвернулся.

— И если уж о семье речь, то ты когда решение примешь? — поинтересовался Магнус, разминая пальцы. Суставы похрустывали, именно из-за звука многие считали эту дядину привычку омерзительной.

— Я просто не уверен, что в этом есть смысл...

— Не уверен он. Ломаешься, как девка на сеновале, глядеть тошно. Ладно, Ушедший с тобой. Надумаешь — скажи. А сейчас закрывай глаза и вспоминай.

Вспомнить Урфин был бы рад. Он и пытался. С того самого момента, когда, проснувшись, понял, что с трудом может пошевелиться. Вот только события последних дней перемешались.

Он помнил пожар на складах. И казнь тоже, но как будто случившуюся одновременно с пожаром, хотя разум подсказывал, что между событиями прошло изрядно времени.

Какой-то бордель, явно из дешевых.

И нищего, который тянул руку. Руку помнил особенно четко — темную, с длинными желтыми когтями.

— Глаза закрой. — Дядя сел рядом.

Закрыл. Свет все равно пробивается сквозь веки, отдаваясь чередой обжигающих вспышек в голове.

— Давай с того момента, как очнулся. Подробно так. Как лежал?

— На спине.

— Точно?

— Да.

Был холод, идущий снизу. И чтобы перевернуться на бок, пришлось повозиться.

— Нехарактерная поза. — Голос дяди теперь доносился словно бы издалека. — Синяки у тебя и спереди, и сзади. Значит, когда били, ты лежал на боку. Не морщись. Это тебе за дурость, чтоб в следующий раз задницу прикрывал, когда в дерьмо лезешь. Руки и ноги чистые — защищаться не пытался. В отключке был? Наверное. Тогда потом перевернули. Убедиться, что живой?

И поставить клеймо.

Неужели этот удар по голове был настолько силен? Кожа содрана, но... череп цел. И если так, то Урфин должен был бы продержаться хоть сколько-то.

— Запах. — Из темноты проступила утраченная часть мозаики. — Я очнулся, потому что воняло.

— Чем?

Ответ был очевиден, хотя и странен.

— Нюхательная соль.

В этом Урфин совершенно уверен.

— ...и сердце колотилось. Как никогда прежде. Меня вырвало. Там.

Кислый вкус во рту. И подгибающиеся руки. Попытки встать на ноги. Кровь на пальцах. Долгая дорога... такая долгая, что Урфин был почти уверен — не дойдет.

— ...за мной кто-то шел. Наверное. Я не уверен. Не было угрозы... просто шел.

Знание сформировалось.

— Присматривал.

Кто и зачем?

— Если не примерещилось, — добавил Урфин, поскольку тем своим ощущениям доверял с весьма большой натяжкой.

— Не примерещилось. — Дядино присутствие воспринималось четко. Урфин, пожалуй, мог бы и выражение лица вообразить до мельчайших подробностей. — Интересно получается...

Он все-таки коснулся шеи, и Урфин заставил себя выдержать прикосновение.

— Спокойно. Если бы тебя не подняли, был бы трупом. Пьяная драка. Ограбление. Одно из тех, которые случаются, когда кто-то лезет не туда, куда надо. Такие расследовать бессмысленно. Они так думают.

Дядя бы не отступил. Уж он-то умеет по следу идти. Неважно, сколько на это уйдет времени и крови.

— Это не Тень. Он умнее. Он бы тебя аккуратней убрал. — Магнус повторял собственные мысли Урфина. — Работоторговцы? За «Красотку» и «Золотой берег»? Оттого и клеймо?

— Поставили бы на видном месте. Да и эти меня скорее распяли бы. Или убрали без следов.

В протекторате много шахт, озер и провалов. Море опять же. Камень к ногам, и прощай, будущий лорд-дознаватель. Или как вариант — медленная смерть в корабельном трюме, такая, чтобы хватило сил над ошибками подумать.

Но тогда кто?

И главное, как так получилось, что его настолько чисто взяли?

— Это... личное. — Клеймо на шее самый верный признак того. — И дурное. Личное и дурное...

Робкий стук в дверь оборвал нить мыслей.

— Там... — Гавин глядел исключительно на пол, словно чувствовал за собой вину, хотя он-то был ни при чем. — Ее светлость вас желают видеть.

А ей кто донес-то?

В гостях у Урфина бывать мне не доводилось. И следовало признать, что устроились их сиятельство с комфортом.

Неброско. Уютно. Один камин в полстены чего стоит. А вот растения в каменных кадках полить следовало бы. Интересно, эти кусты ему часом не Кайя приволок? Если так, то заревную... впрочем, одного взгляда на Урфина хватило, чтобы, во-первых, проникнуться жалостью, которая зело мешает воспитательному процессу. Во-вторых, осознать — романтикой в ночных похождениях и не пахло, что было довольно-таки обидно: если уж получать, то за дело. В-третьих, призадуматься — не является ли нынешнее плачевное состояние для их сиятельства нормой. Это какой патологической невезучестью или неумной жадой приключений обладать надо, чтобы за последние месяцы столько раз вляпываться?

— Ну? — поинтересовалась я, давя в себе змею сочувствия. — Что на этот раз?

— Ничего, — неправдоподобно соврал Урфин, заворачиваясь в меховое одеяло. — Отдыхаю.

А зелень под глазами, стало быть, от переизбытка здорового сна.

Сержант хмыкнул, соглашаясь с моими выводами.

— Иза, а давай в другой раз поговорим?

Предложение мне не понравилось, и я выдвинула встречное:

— Признавайся сам. Не то хуже будет.

— В чем?

— Во всем.

— Во всем — будет долго, муторно и мрачно.

Ничего, наша светлость потерпит. Она в последнее время только и делает, что терпение тренирует. Но Урфин определенно не собирался сдаваться по-хорошему. Я оглянулась на Сержанта, на сей раз решившего с местностью не сливаться, но занять кресло у камина; перевела взгляд на дядюшку Магнуса, который наблюдал за мной с восторгом энтомолога-любителя, узревшего крайне редкий экземпляр уховертки; и снова на Урфина. План действий самозародился, верно, на тлеющих остатках других планов, более революционного характера.

Сдернуть одеяло совсем не получилось — Урфин вовремя успел среагировать, а хватка у их сиятельства оказалась бульдожья, — но и увиденного было достаточно. Его грудь, плечи, живот — одна сплошная гематома. Сизо-лиловая, с красноватыми прожилками, с прорывающейся желтизной, которая обозначала условные границы перехода одного синяка в другой.

Слой мази — резкий запах ее был неприятен — лишь усугублял общее впечатление.

— Иза, ты замужняя женщина... — пробурчал Урфин, возвращая отобранное одеяло на прежние позиции. — Это неприлично.

Кто бы тут о приличиях думал.

И голова разбита. На затылке выделяется полоса стриженных волос и аккуратный шов.

— Садись, ласточка моя. — Магнус уступил стул. — И не вздумай волноваться. Это не опасно.

Ну да... сине-красно-лиловый окрас вообще естественен для их сиятельства.

— Кости целы.

Действительно, что может быть важнее целостности костей?

— Кто тебя так? — Сесть я все-таки села.

— Не помню.

— Тошнит? Голова кружится? — Не хватало еще сотрясения мозга для полного комплекта. Ну вот как можно так с собой обращаться? Он себя, как Кайя, неубиваемым вообразил? Но тошнить Урфина не тошнило. Головокружения, звона в ушах, мошкеры перед глазами тоже не наблюдалось. Или врал он убедительно.

— Да нормально все...

Я вижу.

— Гавин, подай-ка чаю, — велел Магнус, потирая руки. Вид у него был донельзя довольный, счастливый даже. Кажется, мысленно добрый дядюшка уже беседует с теми нехорошими людьми, на которых Урфин имел несчастье наткнуться.

— Просто чаю! — уточнила я.

Сержант снова хмыкнул и плечами пожал: мол, он как лучше хотел. Так ведь я и не в претензии, но в этом дурдоме хотелось бы сохранить относительную трезвость мировоззрения.

— Иза... — Урфин скрестил руки на груди, точно подозревал меня в повторном покушении на его одеяло. — Пожалуйста, не рассказывай Кайя.

Совсем не рассказать не выйдет. Пусть бы эту историю и удастся замять для широкой общественности, но Кайя увидит, что я что-то от него скрываю.

И Урфин понял.

— Хотя бы без подробностей. Я сам.

— Хорошо.

— Ты и вправду не переживай, ласточка моя. — Магнус забрал у Гавина поднос с чашками. — Случалось и похуже... завтра уже встанет.

Чтобы новое приключение на задницу примерить?

— ...послезавтра, — уточнил Урфин.

Ему чай подали отдельно, травяной и, судя по тому, как их сиятельство скривились, крайне мерзкого вкуса. И правильно. Будет знать, как ночами не спать, по злачным местам шляться и фрейлин юных с пути истинного сбивать.

— Урфин, — я заговорила ласково-ласково, как только могла, и он дернулся, явно подозревая неладное, — скажи, ты случайно не в курсе, куда это Тисса ходила ночью?

— В курсе. Сюда.

Чистосердечное признание облегчает душу и работу следователя.

— Я чего-то не знаю? — оживился Магнус, добавляя в чай сахар. Кусок за куском. И щипцы серебряные напрочь игнорируя. Действительно, пальцами удобней — я сама так делаю, когда никто не видит. — Нет, теперь знаю. И все складывается... чудеснейшим образом все складывается.

Мне бы его оптимизм.

— И что она тут делала? — Нашу светлость сбить с цели не выйдет.

— Мне помогала.

Исчерпывающий ответ.

— Иза, если ты думаешь, что я вчера к ней приставал, то ты меня серьезно переоцениваешь. Мне нужна была помощь. Точнее, я отключился. И Гавин привел девочку.

— Почему?

— Она леди, — тихо ответил Гавин. — Все леди умеют лечить.

Да? Тогда я — несчастливое исключение.

— На Севере, малыш, — Магнус размешал чай пальцем, — там издревле повелось, что женщины лечат мужчин. Не так, как местные доктора, но умеют и шить, и кровь остановить, и жар сбить... всего понемногу. И нам повезло, что у этой птички мама — северянка.

А вот ей так не очень.

— Вы не подумали о девушке. — Голос Сержанта был равнодушен. Ну вот почему он продолжает притворяться железным? — О ее репутации.

Еще не понимает?

Для Урфина репутация — это нечто очень отвлеченное от реальности. И наверное, когда настолько плохо, как ему сейчас, чужие проблемы выглядят мелочью. Подумаешь, слухи... он-то знает, сколько в них правды.

Ничего. Попробуем объяснить иначе. Главное, голос не повышать.

— Даже в моем мире за такую прогулку родители по головке не погладят. А теперь подумай и скажи, как поступит гувернантка, вроде леди Льялл, если девушка заявится под утро в... неподобающем виде. И наотрез откажется говорить, где была. Вот что она должна будет сделать?

Доходит. Медленно, но доходит. По глазам вижу. Из синих они становятся серыми, потом чернеют.

— Где Тисса?

О какой выразительный голос стал!

— У меня. Спит. И у меня же останется до возвращения Кайя. Это на случай, если тебе вновь понадобится помощь в неурочный час. Долэг я тоже заберу...

Кровать большая. Все поместимся. Наедине с леди Льялл я точно их не оставлю.

— Гм... — Магнус отставил чашку с нетронутым чаем. — Возможно, это лучший вариант. Для всех. Гавин, малыш, в следующий раз зови меня. Я не леди, конечно, но тоже кое-что умею.

Вот и замечательно. Совесть разбудили. В вопросы воспитания ясность внесли... ну почти. Сейчас довнесем и вернемся к иным, мирным делам.

— Могу я уволить гувернантку? — Надеюсь, что могу. Но если нет, то отпишу Кайя, и пусть только попробует не согласиться с моим решением.

— Можешь, — ответил Магнус. — Но лучше давай-ка я с ней побеседую. Сама уедет.

И подмигнул мне сначала левым, потом правым глазом.

Чудеснейший человек наш дядюшка. Широкой души и невообразимого спектра умений. Искренне его люблю, хотя бы за то, что избавляет меня от очередной встречи с леди Льялл.

— Иза, она сильно меня ненавидит? — Урфину удалось сесть, и об одеяле забыл, герой несчастный. Куда это он собрался? Каяться? Ну уж нет, обещал два дня лежать — вот пусть и лежит. С совестью общается. Это полезно.

Магнус придерживался того же мнения. А Сержант просто поднялся, подошел, толкнул

в плечо и заботливо — вот окружают меня хорошие люди — укрыл. Даже края одеяла подоткнул. По виду его понимаю, что фиксацию пациента к кровати он считал бы излишним проявлением заботы.

Ладно. Наша светлость почти успокоилась, поэтому ответит честно:

— Она тебя не ненавидит. А если бы ты еще поменьше ее высмеивал...

Уходила я с чувством выполненного долга. Магнус, во что бы то ни стало решивший проводить нашу светлость, выбрал какой-то очень уж запутанный и кружной путь. Он раскланивался с каждым встречным, спеша сказать, что погода ныне чудесная, а дамы в этом году и вовсе уродились, чем заставлял людей нервничать. Подозреваю, что во всем этом был какой-то скрытый смысл.

Приглашение мое Магнус отверг, сказав, что в другой раз всенепременно заглянет и на ужин, и на беседу, сейчас же спешит по иному делу...

— Вы не поняли, — констатировал Сержант, когда дядюшка все же удалился.

— Не поняла чего?

— Он показывал всем, что неотлучно был при вас. Леди, которая наносит визит мужчине в отсутствие мужа, вызывает некоторые подозрения.

А раньше предупредить не мог? Господи, это я сейчас с разгона повторила подвиг Тиссы? Только днем? Нагло. Открыто. Бессовестно с точки зрения местной морали.

— Леди не стоит волноваться. Вас уже давно считают любовниками.

Спасибо за откровенность. Очень успокаивает. Я и ответить-то не в состоянии.

То есть я и Урфин...

И как давно?

Наверное, с самого начала... логично, если подумать.

— Магнус просто воспользовался случаем и показал, что это не так. И... — Сержант скрестил руки на груди. — Рано или поздно, но до вас дойдет, что я тоже в списке.

Каком? Ах да, любовников... конечно, такая безнравственная особа, как наша светлость, не удовлетворится одним Урфином. Да и разнообразие личной жизни на пользу.

— Большой список? — Я нервно хихикнула, представив свиток полуметровой толщины.

— Увы, но вам есть еще над чем работать.

Он тоже умеет шутить, и от этого на душе становится легче. Похоже, нашей светлости пора открывать профсоюз падших женщин имени нашей светлости.

...плевать на слухи. Кайя им не поверит...

— Не поверит, — подтвердил Сержант. — Зависимость всегда двусторонняя, иначе не было бы равновесия. Вы так же не сможете принять другого мужчину, как он — другую женщину.

— Откуда ты...

Сержант коснулся герба на груди. Он больше не скрывал, кем является.

— Единственно, я не уверен, что ваш муж знает об этом нюансе. Если я не успел выучиться, то ему не позволили. И я думаю, что семьи не раз пожалеют о своем невмешательстве.

Пожалуй, это был самый длинный и самый странный наш диалог, наверное, поэтому я и осмелилась задать еще один вопрос:

— А ты? Ты был женат?

— Нет, леди. Мне не повезло встретить женщину, к которой я мог бы привязаться... или повезло не встретить. Бывает и такое.

Глава 7

Перекрестки

В Средневековье рыжим было грустно...

*Вывод, сделанный любителем истории на основе
длительного изучения протоколов инквизиции*

«...Сердце мое, ты не стала описывать мне подробности встречи с Благотворительным комитетом, из чего я заключаю, что встреча эта прошла весьма болезненно для тебя. Я знаю, насколько ядовиты бывают слова, но не знаю, как залечить эти раны.

Могу лишь обещать, что поддержу любое твоё решение относительно этих дам, очередное столкновение с которыми ввиду поднятых тобой вопросов неизбежно. Сейчас ты поступила весьма разумно, не став ввязываться в бой.

Твоё желание самой заняться вопросами помощи людям и благоустройства протектората я всецело одобряю. Более того, скажу, что исконно это было правом и долгом первой леди перед подданными. К сожалению, по ряду обстоятельств моя мать предпочла передать это право комитету, а сам я был занят совсем другим. И потому сейчас бесконечно рад, что ты сочла занятие благотворительностью достойным того, чтобы потратить своё время и силы.

Единственное, я прошу не пытаться делать всё самой. Обратись к Магнусу, у него наверняка имеются на примете люди, которые подходят для создания реально действующего комитета. Это во многом облегчит работу, поскольку мне крайне неловко, что тебе вновь приходится разбираться с последствиями моей несостоятельности как правителя.

Также доведи до градоправителя — он человек разумный и верный нашему дому, — что желаешь получить полный отчет об использовании тех денег, которые ежемесячно выделяются на нужды города. Рекомендовал бы провести встречу со старейшинами гильдий. В прежние времена они служили надёжной опорой дома и, понимая, что собственное их благополучие во многом зависит от благополучия города, каждого его жителя, охотно оказывали поддержку начинаниям первых леди.

Расскажи им для начала о лечебницах.

Ты, естественно, можешь — я бы хотел сказать, что должна, но было бы неправильным вменять тебе в обязанность столь хлопотное дело — открыть лечебницу под собственным патронажем. Но её будет мало. Напомни им о школах. Некогда гильдии не желали тратиться на это пустое, по их мнению, дело. Каждый платил учителю отдельно, и это было невыгодно. Полагаю, если они посчитают, то поймут, что с докторами имеют схожую ситуацию. Болеют все. И гильдийная лечебница будет работать на их же благо, равно как на благо их семей.

Также изложи свою идею по ученикам. Который год они плачутся, что мастерство приходит в упадок, поскольку приходится учить тех, кто не имеет естественной предрасположенности, но обладает нужной суммой. Пусть учат тех, кто действительно талантлив, но не имеет средств. Став подмастерьями или же мастерами, эти люди вернут долг гильдии. Но настаивай, чтобы в контракте стояла конкретная сумма и срок её погашения. Сумма может превышать обычную не более чем втрое. А срок должен рассчитываться исходя из среднемесячного дохода мастера.

Если что-то из сказанного мной не совсем тебе ясно, то не стесняйся задавать вопросы

дяде или Урфину. Также не мешало бы, чтобы кто-то из них помог тебе провести встречу. Я ничуть не сомневаюсь в твоих способностях, но лишь хочу обеспечить тебя хоть какой-то поддержкой.

Впрочем, главы гильдий куда более здравомыслящие люди, нежели дамы из комитета.

И раз уж вновь зашла речь о них, то не волнуйся о деньгах. Я приказал Макферсону отныне прекратить отчисления Благотворительному комитету и предоставить суммы, уходившие прежде им, в полное твое распоряжение. Пожалуй, этот приказ он исполнит с радостью...»

Граница затрещала и разорвалась с натужным дребезжащим звуком. И Кайя отложил перо.

Спустя мгновение, которого хватило, чтобы убрать недописанное письмо в шкатулку, затрубили рога. Вот надо же было на ночь глядя... неймется Мюррею.

Рокот барабанов поторапливал.

То тут, то там раздавались резкие свистки сержантов. Лаяли приبلудные псы. И шлюхи спешили покинуть солдатские палатки, унося с собой котлы с недоваренной кашей. Обоз суетливо отползал за шеренгу костров, хотя особой надобности в том не было.

А дождь унялся, все радость.

Прояснившееся небо было бледно-лилового цвета, с тонкими полосами облаков. Крупная луна спустилась к самым древесным вершинам. И зыбкий свет ее искажал мир. Дальний берег стал будто бы ближе, а река — уже. Слоны же, наступавшие боевым клином, виделись вовсе огромными.

Неторопливая походка их, сам вид, величественный и ужасающий, приводил людей в трепет.

— Пехоту к берегу... Пращники — цепью. Лучники тоже. Взять масло и горючие стрелы.

Величие величием, но, если Мюррей рассчитывает на победу, ему придется повозиться.

— Цепи волоките...

Земля на берегу все еще мягкая. Конница увязнет. Да и вряд ли рыцарское копьё уязвит зверя. Кайя видел переднего самца. Его огромные бивни, загнутые книзу, были укреплены шипастыми кольцами. Хобот скользил по-над водой, словно животное прислушивалось к реке, выискивая путь. Вздрагивали уши, чересчур короткие для такой громадины.

Уши — определенно слабое место.

Болезненное.

На спине слона возвышалась узорчатая беседка, но разглядеть людей, в ней сидящих, было невозможно. Скорее всего — четверо. Лучники. Метатель копья.

Вскинув хобот, слон заревел. И на голос его лошади отозвались безумным ржанием.

Своевременно. Значит, прав был Кайя, когда решил не использовать конницу.

Цепи с шипами уже пластали по берегу, протягивая меж осклизлых кольев, спеша убраться до того, как слоны выйдут на мелководе. Вспыхнули сторожевые костры, щедро политые маслом. И сырое дерево трещало, дымило, наполняя воздух едкой гарью. Дым стлался по воде, укрывая тени лодок. Лишь мерный всплеск весел выдавал их присутствие.

Слоны — прикрытие.

Пехота уже частью на берегу. На месте Мюррея Кайя высадил бы ее раньше и в стороне от дозоров. А затем, сконцентрировав внимание противника на таранном прорыве, добил бы

ударами по флангам.

— Целиться в беседку. В шерсть. В уши.

Хорошо, что дождя нет... Животных было жаль. Почему-то Кайя всегда было больше жаль животных, чем людей. Возможно, потому, что люди знали, на что идут.

Слоны подобрались совсем близко.

С бурой шерсти их лилась вода. Мягкие ступни месили прибрежную грязь, и земля всхлипывала, словно от боли.

Раздались свистки.

И первые стрелы вспороли воздух. Огненные черточки на лиловом небе... жаль, что такое не нарисуешь углем, а с красками Кайя никогда не пробовал. Может, стоит? Стрелы увязли в шерсти, не причинив вреда. Но слоны замедлили движение.

Погонщики торопили их.

И Кайя ломотой в затылке ощутил приближение чужой волны. Но удара не последовало. Мюррей остановил замах, и волна рассыпалась туманом. Барьер его остановил... приостановил. Белая мерзость, видимая лишь Кайя, уверенно продвигалась к рядам лучников, уговаривая их отступить.

Держаться!

Держались. И Кайя, собрав посеянный Мюрреем ужас, вернул его. Не людям — слонам.

Белой поземкой под тарелкообразные ступни. Иллюзией огня, который вырывается с насиженного места и обволакивает кожу, взбираясь выше и выше...

Отчаянно заревел и метнулся влево молодой самец, сталкиваясь с другим животным, едва не опрокидывая и раня длинными шипами на бивнях.

Огонь погас, остановленный чужой волей.

...хороший ход. Молодец...

...спасибо...

Кайя ответил на послание прежде, чем сообразил, что произошло.

Мюррей заговорил с ним?

...ты ответил?

...извини.

...за что? О, вижу пращников. Масло и огонь?

...Да. Пехота уже на берегу?

...Да. Ждешь?

...Конечно.

...Кайя... почему ты не отвечал раньше?

Глиняные горшочки с конопляным маслом летели с куда меньшей изящностью, нежели стрелы, но главное, что в цель. Они лопались с оглушительным хрустом, но Кайя подозревал, что слышит этот звук лишь он.

...Кайя?!

...я не слышал.

...в прошлом году? И весной тоже? Ллойд писал, что звал, но в ответ ты ударил. Он решил, что ты не желаешь говорить, а ты просто никого не слышал?!

...только сейчас. Тебя. Впервые.

Слоны остановились.

Самое время дать приказ лучникам, но Кайя медлил.

И передний зверь, чей хобот был расписан белыми спиралями, качнул головой и

поклонился. А затем медленно, точно не веря в происходящее, попятился.

...нам надо встретиться. Пожалуйста, не отказывай. Я знаю, что ничего не исправить, и ты вправе на нас злиться. Но прими хотя бы помощь.

...не понимаю, но буду рад тебя увидеть.

...тогда завтра? В полдень.

«...Сердце мое, сейчас произошло кое-что донельзя странное, чему у меня нет объяснений. Завтра мы с Эдвардом встречаемся, но не для поединка. Я не уверен, что подобные встречи приняты, и понятия не имею, как себя вести.

Он считает себя в чем-то виноватым, но я так и не понял, в чем именно.

В любом случае я буду счастлив увидеть Эдварда хотя бы затем, чтобы поблагодарить за два года спокойной жизни. Вспоминаю, как он учил нас верхом ездить. Урфин желал сразу и непременно галопом, а мне было страшно упасть, потому что конь казался огромным. Я обеими руками вцепился в гриву и никак ее не отпускал. А Эдвард объяснял, что так я все равно не удержусь, только, падая, руку вывихну... Отец решил бы проблему одним подзатыльником.

Эдвард первый, кто заговорил со мной. Или, как я понял, первый, кого я услышал. Остальные, с кем я встречался, тоже пытались, но я молчал. Более того, в ответ ударил. Я помню, мне показалось, что меня пытаются взломать, и не сдержался, ответив почти в полную силу, тем самым нагляднее некуда продемонстрировал собственное уродство.

Я очень боюсь сделать завтра что-то не так. Оскорбить случайно. Нарушить какое-то правило, мне неизвестное. Разочаровать... наверное, сильнее я волновался лишь перед нашей с тобой свадьбой.

Уверяю себя, что к худшему эта встреча точно ничего не изменит, но помогает слабо.

Прости за это сумбурное письмо, вновь переполненное жалобами. Я отправляю его лишь потому, что так устанавливаю между нами связь, которая поможет мне завтра.

Мне тебя не хватает».

Этого гостя леди Льялл никак не ожидала увидеть в своей комнате. И будь на месте его любой другой человек, она непременно бы высказалась, что благородные лорды не претупают порог жилища леди без ее на то соизволения. А соизволения леди Льялл никогда бы не дала.

Гостю оно и не требовалось.

Он уселся в любимое ее кресло-качалку, накинув на плечи пуховую шаль. В руке гость держал фарфоровую чашку с чаем и половинку бублика, густо усыпанного маком. Гость бублик жевал, мак осыпался, и темные крошки выделялись на шали, как грязь.

Леди Льялл ненавидела грязь в любых ее проявлениях.

Меж тем сапоги гостя возлежали на ее столике из розового дерева и были отнюдь не чисты.

— Что вы здесь делаете? — От возмущения и невозможности высказать его напрямую, голос дрогнул.

— Ваша светлость, — ответил гость, пальцами выбирая крошки из бороды, — ко мне следует обращаться именно так. Поэтому правильно будет спросить: что вы здесь делаете, ваша светлость?

— Могу ли я узнать, что вы здесь делаете, ваша светлость?

— Вас жду.

Он качнулся, и чай, перебравшись через фарфоровый борт, выплеснулся. На шаль! На такую мягкую, нежную шаль, которую леди Льялл вязала к зиме. Она трижды ходила на рынок, пока выбрала шерсть. И две недели просидела, составляя узор. Она только-только закончила и отложила вязание, позволяя себе любоваться делом рук своих.

Шаль была прекрасна.

Совершенна.

Совершенно испорчена!

— Садитесь, дорогуша, поговорим. — Их светлость указали на низенькую скамеечку, на которую леди Льялл ставила ноги. И это было унижительно, но Магнус Дохерти имел право отдавать приказы.

Он отхлебнул чай и, поморщившись, попросил:

— Сахарку подай. А то чай у тебя горький... и ложечку.

Определенно сегодняшней день испытывал терпение леди Льялл. Ее жизнь, такая спокойная, размеренная, умиротворяюще расписанная по минутам, рассыпалась.

— Вот спасибочки. — Сахар их светлость брали руками, а размешивали ложечкой, словно нарочно задевая тончайшие стенки чашки, которая, между прочим, была расписана по эскизам леди Льялл. И хрустальный звук вызывал судорожное покалывание в висках. — Да ты садись, садись... знаешь, я ведь старый человек. Уставший. Не столько от жизни, сколько от мерзости, которая творится вокруг. А ее много...

Леди Льялл согласилась с этим утверждением. Мир и вправду был полон грязи. Она скапливалась, как скапливается пыль на крышке клавиатура и сажа в извилах каминной решетки... она нарастала слоями жира, который леди Льялл оттирала с посуды слоем тончайшего песка. И приклеивалась к подошвам туфель. Мерзкая, мерзкая грязь! С каждым годом борьба с ней отнимала все больше сил.

— А чтоб не утонуть в грязи, надо радоваться. Меня бы вот внуки порадовали. Очень.

Он пил чай, громко прихлюпывая. Ушедший, ну почему его не научили манерам?!

— В таком случае остается пожелать, чтобы ваш племянник в самом скором времени...

— У меня два племянника, — перебил Магнус. — И оба с характером. Ты вряд ли представляешь, как сложно найти подходящую жену парню с характером. Но я справился...

И теперь цель этого пренеприятнейшего визита стала ясна.

— Вы желаете побеседовать о сегодняшнем происшествии?

— И о нем тоже.

— Я действовала в рамках своей компетенции.

— Несомненно. — Их светлость окунули огрызок бублика в чай. — В рамках...

— У вас имеются ко мне претензии?

— Имеются... вопросы. Тебе мало платили?

— Н-нет...

— Моя семья чем-то оскорбила тебя? Дала повод для личной мести?

— Нет. Я... я лишь пыталась привить девочкам правила хорошего тона! Научить их вести себя достойно. Воспитать в них характер и силу!

— И поэтому обворовывала? — Магнус вылавливал куски размякшего бублика и отправлял в рот. — Ты не у них воровала, женщина. У моей семьи. И ее же оскорбила, когда начала таскать письма Гийома. Ты и вправду надеялась остаться в стороне, когда все выяснилось бы? Сидеть!

Он рывкнул, и ноги леди Льялл подкосились. На нее никто никогда не повышал голос. Люди благородные не кричат на собеседника, тем паче — даму. И не вытирают грязные пальцы о чужие шали.

— Я тебе не мешал. Я считаю, что каждый имеет право на выбор. Девочка его сделала. Теперь она часть моей семьи, а я никому не позволю обидеть семью. И потому тебе придется уехать.

— Куда?

— Куда-нибудь. Какое мне дело?

— Вы... вы меня выгоняете?

— Точно.

— Вы не имеете права! Не вы приглашали меня на эту работу и не вам...

— Не мне, — охотно согласился Магнус Дохерти, отправляя кружку в камин. Столкновения с решеткой фарфор не выдержал. Брызнули осколки. — Но ты уберешься сама. И в крайней спешке. Оставишь любезное письмо, где укажешь причину отъезда... матушка заболела.

— Моя мать упокоилась в прошлом году.

— Тогда отец. Тетка. Любимая собака. Неважно. Главное, чтобы было убедительно.

— И зачем мне это делать?

Он не заставит. Магнус Дохерти, конечно, страшный человек, но он не тронет женщину.

— Затем... — Их светлость посмотрели с насмешкой. Все-таки рыжие глаза — это как-то... неправильно. Мерзко даже. — ...Что в противном случае я вынужден буду рассказать моему племяннику... младшенькому племяннику, что ты помогала Гийому соблазнять его невесту. Более того, нынешней ночью лично его проводила в спальню. И ваше счастье, что девочка... решила прогуляться.

— Вы следили?

— Присматривал. Гийом же сволочь редкостная. Прямо как я, но в отличие от меня выбора людям не оставляет.

— У... у вас нет доказательств.

— А он мне на слово поверит. Мальчик-то вспыльчивый. Сейчас и вовсе на голову ударенный, я бы сказал. И к женщинам, что характерно, уважения не испытывает. То есть испытывает, конечно, но не всех, кто юбки носит, считает женщинами.

— Что бы вы ни думали, но я... никогда не действовала бы во вред своей воспитаннице. — Леди Льялл позволила себе встать. — Если бы не вмешательство вашей светлости, ее брак с Гийомом был бы решенным делом. И это была бы чудесная партия.

Лишь де Монфор мог считать, что, опозорив девушку, избежит брака, в отличие от леди Льялл, он не понимал, сколь серьезно Кайя Дохерти относится к обязанностям опекуна.

— А то, что он мразь, тебя не смущало?

— Любой брак — испытание для женщины. Но ее дети принадлежали бы к славному роду.

— Ясно. В какой-то мере это тебя оправдывает. Такую верность делу я в состоянии понять. Но не простить. К завтрашнему утру тебя не должно быть в городе.

Замок леди Льялл покидала в некоторой спешке и расстроенных чувствах. Разве благородный человек поступит с дамой подобным образом? Это низко. Подло.

И совершенно незаслуженно.

Леди Льялл ценой своей репутации и малого позора хотела спасти глупую девочку от

страшной участи. Но та и вправду сделала выбор. И если уж предпочла благородному рыцарю рабское отродье, то, значит, и заслужила жизнь в грязи.

Юго долго раздумывал, стоит ли предупреждать Гийома. Все-таки глупость должна быть наказана, тем более такая, которая обернулась бы неприятными последствиями не только для де Монфора.

Но в будущем он мог бы принести пользу... теоретическую...

И Юго, устав думать, бросил монету.

Гийому повезло.

Записку, обнаруженную в собственном кошельке, тот разглядывал долго, вчитываясь в слова, словно желая найти скрытый смысл. А когда предупреждение дошло, то побелел, посерел и покраснел. Перемена облика доставила Юго некоторое удовольствие, отчасти компенсировавшее факт помощи существу, ее не достойному.

Гийом торопливо скомкал бумажку и сунул в рукав. Движения сделались нервными, а выражение лица — растерянным. Из зала Гийом вышел быстрым шагом и попрощаться забыл.

Вот же идиот...

Разве можно так внимание привлекать?

Юго двинулся следом лишь для того, чтобы убедиться — это недоразумение природы покинет-таки замок. Но Гийом направился вовсе не к конюшням, как следовало бы. Он трусцой преодолел три пролета и остановился перед дубовой дверью с гербом Кормаков.

Надо же, как интересно все складывается.

Юго замурлыкал от удовольствия.

А дверь-то открыли...

Сдадут? Не сдадут?

Все зависит от того, насколько Гийом увяз в чужой игре. На месте лорда-канцлера Юго нашел бы такому союзнику уютную глубокую яму...

Пожалуй, это тело разделило бы участь иных неопознанных тел, отправившись в анатомический театр или же став пособием для юных докторов. Однако герб на рукояти кинжала определил ему иной путь. И неприметный работник мертвецкой, увидев этот герб — кинжал не посмели вытащить из глазницы, — поспешил отправить записку старшему. А тело прикрыл простыней, так, на всякий случай.

Позже он помог перенести тело в повозку и сопровождал в самый замок, бывать в котором прежде не случалось. Груз отправился в подземелья — в городе о них ходили самые разнообразные слухи, но на деле подземелья оказались не столь страшны и даже приличны: сухо, чисто и факелы через каждые десять шагов торчат. Человек подумал, что расскажи он о таком — не поверят.

Только рассказывать было бы неблагоразумно.

— Клади туда, — махнул кривоногий человечек со включенной рыжей бородой. Он тоже был вовсе не таким, как описывали. Ниже. Проще. Безопасней с виду. — Да, на стол... не спешి уходить. Вон, присядь. Есть хочешь? Пить? Не стесняйся.

— Благодарю, ваша светлость.

Присев на табурет, человек налил себе вина, взял хлеб и мясо. Отказывать Магнусу Дохерти было бы безумием. Тот же, словно потеряв всякий интерес к лицу, сопровождавшему

труп, склонился над телом. Лорд-дознаватель вытащил кинжал и, вытерев клинок о рукав дорогого камзола, сказал:

— Точно, наш ножичек... наш... из коллекции. Вот же люди пошли. Ничего без присмотра оставить невозможно — враз уволокут.

Человек кивнул, соглашаясь, хотя не представлял, какой смелостью нужно обладать, чтобы покуситься на принадлежащее Дохерти.

— А ты молодец... Это ведь ты про висельников писал? Про тех, которые будто бы сами повесились, да с чужой помощью?

— Я, ваша светлость. — Человек едва не подавился. Он, конечно, исполнил свой долг, изложив то странное, с чем вышло в мертвецкой столкнуться, но весьма сомневался, что письмо его было прочитано. А выходит, что было...

— Звать как?

— Ивар, ваша светлость.

— Учился?

— Да, ваша светлость. Два года в гильдии врачей.

— Что бросил?

— Деньги, ваша светлость.

— Собираешь?

— Да, ваша светлость.

— И молодец, ученые люди нам нужны. Иди сюда.

Ивар отложил недоеденные хлеб и мясо — не без сожаления, поскольку мясо ему выпадало редко. Магнус Дохерти указал на труп:

— Что скажешь?

— Лезвие проникло сквозь глазное яблоко, прошло мозг и застряло в задней стенке черепа. Если позволите предположения...

— Предполагай. — Магнус Дохерти расчесывал пятерней бороду.

Ивару было странно глядеть на этого человека сверху вниз. Но первый страх ушел.

— Судя по расположению рукояти, били прямо. То есть...

Магнус протянул кинжал.

— ...вот так. — Ивар поставил лезвие перпендикулярно поверхности стола. — И значит, нападавший был или значительно выше жертвы...

...покойник имел средний рост...

— ...или же жертва сидела. Как вариант — лежала. И не оказывала сопротивления. Если бы он отбивался, удар не был бы столь точен. Да и следы остались бы... погодите.

Вот что мешало ему некой несуразностью облика мертвеца — неестественным образом приоткрытый рот, перекошенный какой-то, словно покойник желал сомкнуть губы, но уже не имел сил.

Мешал не язык, как оно бывает, но железка престранной формы. Ивар не сразу сообразил, что держит в руке клеймо, а их светлость уже забрали находку.

— Надо же... какое удивительнейшее совпадение. Ты веришь в совпадения, Ивар?

— Смотря какие, ваша светлость.

— И правильно. — Обернув клеймо платком, он сунул его в рукав. — Племянничку подарю. Любит он у меня интересные находки. А ты раздевай этого... удачливого.

Почему мертвеца Магнус счел удачливым, Ивар не понял. Но подчинился, тем паче что их светлость сами принялись расстегивать пуговицы на куртке мертвеца. Вдвоем получилось

избавить от одежды быстро. И на спине жертвы обнаружилась еще одна рана. На сей раз Ивар не стал дожидаться приказа:

— Клинок другой. Уже. Тоньше. И не такой длинный. Я думаю, этот удар был первым. Нож вошел между позвонками, перебив спинной мозг. Но при этом не задел артерии.

Магнус кивнул, показывая, что готов слушать дальше.

— У жертвы отказали конечности. Но он не упал... — Ивар на всякий случай еще раз осмотрел голову и руки. — Нет, не упал. Следов нет. Его посадили и... добили?

— Только сначала допросили.

И тот, кто это сделал, воспользовался краденым клинком.

— Ты еще что-то сказать хочешь?

Ивар хотел, но не знал, стоит ли, потому как сомневался в правильности собственных выводов.

— Тот... кто напал... я думаю, что он был невысоким. Посмотрите, где расположена рана. Если бить снизу вверх, то клинок застрянет в верхнем позвонке. А рана относительно чистая, то есть вытащили его легко. И кинжал оставили специально... мне так кажется.

Магнус Дохерти вдруг улыбнулся и хлопнул по плечу:

— Молодец. И раз уж ты такой глазастый, то есть у меня к тебе предложение...

...от которого отказаться не выйдет. Мысленно Ивар распрощался с надеждой стать доктором. А он уже скопил треть взноса.

— ...полезен мне был бы человек, который с мертвецами говорить умеет. С живыми-то проще. С живыми я и сам как-нибудь.

— Я... не говорю. Просто смотрю и думаю.

— Смотри. Думай. И записывай, что видишь и до чего додумываешься. Ты ж и так записываешь? Глядишь, со временем крайне занятная книга выйдет... полезная в нашем деле. А я уж подсоблю, чем сумею.

— Б-благодарю, ваша светлость.

— Да не за что.

Мертвец со стола наблюдал за Иваром, подталкивая сказать последнее, о чем похорошему следовало бы молчать.

— Он из серых... видите рубцы на запястье? Треугольником.

Магнус Дохерти склонился над левой рукой мертвеца.

— Я про них мало знаю... так, наемники. Ходят слухи, что безымянной таверны держатся. Но я не уверен, что это правда.

— Выясним, Ивар. Выясним. Ты отдыхай... или что?

— Мне бы вскрытие. И зарисовать. — Если уж не выйдет сменить работу, то хотя бы исполнять ее следует со всем тщанием. Так Ивара учили. Да и, стыдно признаться, но за два года в мертвецкой ему стала интересна смерть как тема.

— Рисуй, малыш. Рисуй... только поешь для начала.

Безымянная таверна сторела под утро. За ней занялся и квартал. Публичные дома, игорные заведения, лавчонки, где торговали и хламом и контрабандой... синие плащи шли плотным строем, позволяя пересекать цепь шлюхам, нищим и мелкому отребью, но вылавливая тех, кто значился в особых списках.

Вешали на улице: Магнусу Дохерти не требовались ни суд, ни доказательства вины.

К утру полыхнуло и на других окраинах.

Терпение старого лэрда иссякло.

Смотрящие запросили о мире, сдав три типографии и хозяина таверны, который изволил каяться во многих грехах, чем изрядно облегчил совесть, но не участь. Он клялся, что не признал в залетном капитане их сиятельство, в противном бы случае самолично остановил творимое бесчинство... имена исполнителей были названы.

Сами исполнители — задержаны.

Но тот, кто знал заказчика, был мертв. И это обстоятельство несколько печалило Магнуса, хотя имелось у него предположение...

— Не подскажете ли вы, любезный Кормак, куда подевался юный Гийом?

— С чего вы взяли, что мне это известно?

— С того, что вам известно, что мои люди проводили его буквально до ваших дверей.

— Как любезно с их стороны. Охраняли?

— Наблюдали.

И опоздали всего на четверть часа. Люди не виноваты. Магнусу следовало отдавать более внятные приказы.

— Вы же сами руководили обыском, дорогой Магнус. Я не прячу Гийома. И не понимаю вашего... неестественного к нему интереса. Уж не связан ли он с несчастьем, которое произошло с их сиятельством? — Лорд-канцлер был до отвращения любезен. — Никак вы подозреваете бедного юношу в причастности к этому делу?

— Да почему подозреваю? Я практически уверен.

— А доказательства?

— Чистосердечное признание.

— Оно у вас имеется? — Лорд-канцлер взмахнул руками в притворном удивлении.

— Оно у меня появится... со временем. Вы же знаете, что не важно, сколько времени пройдет. Я умею ждать.

Глава 8

Старые новые знакомые

*После свадьбы мы сразу уехали в свадебное путешествие.
Я на Север, жена на Юг, и прожили там три года в любви и
согласии.*

Из откровений о счастливой семейной жизни

Тиссе было стыдно.

Нет, не так: Тиссе было невыносимо, ужасно, душераздирающе стыдно!

От стыда хотелось провалиться под перину, и кровать, и еще ниже, в самые кошмарные подземелья, где никто и никогда Тиссу бы не обнаружил.

И там она бы вволю поплакала над собственной глупостью, репутацией и прочими крайне важными вещами. Однако перина была мягка и плотна, а замок крепок. Оставалось лишь натянуть одеяло на голову и притвориться, что Тиссы вовсе не существует.

Вот только под одеялом было жарко, душно и потно.

И Долэг не позволит отлеживаться.

— Вставай. — Она не стала сдирать одеяло, но, оседлав Тиссины ноги, принялась щекотать. — Вставай, вставай, вставай... Иза уже встала.

Ужасно... мало того, что вчера Тисса уснула прямо на кровати их светлости, так и проснулась исключительно затем, чтобы поесть, переодеться в сорочку и вновь уснуть. И сегодня она все возможные правила приличия уже нарушила.

Но было плохо: голова болела, хотелось пить, а язык распух. И глаза слезились. Умереть бы сейчас... тогда и позора не было бы. Но так легко Тиссе не отделаться.

И она со стоном села.

Ушедшего ради... что с ней происходит?

— Ну ты и страшная! — Долэг всегда знала, что следует сказать в успокоение. — Леди Иза сказала, чтоб ты, как проснешься, умывалась. Ванна там... пошли, я покажу. Вставай!

О нет... Нет, нет, нет! Тисса не имеет права пользоваться ванной их светлости!

И вообще здесь находиться.

— Мы теперь будем тут жить. — Долэг, забравшись на край огромной латунной ванны, открыла воду. — Ну, пока лорд Кайя не вернется.

— Их светлость. — Первые слова дались с трудом.

Долэг стянула ночную рубашку и велела:

— В ванну лезь. Ты так выглядишь, что я бы на тебе точно не женилась.

Зачем она про женитьбу сказала? Это слово вдруг возродило в памяти вчерашний разговор во всех его ужасающих подробностях. Мало того что Тисса про письма Гийома... и письма Гийому рассказала, так и на будущего мужа пожаловалась... Ушедший, пусть пучина ванны ее поглотит.

Желанию не суждено было сбыться. Хотя в целом несколько полегчало.

Долэг помогла выбраться из ванны, подала полотенце... с монограммой их светлости. И платье, если Тисса не ошибалась, тоже принадлежавшее леди Изольде.

— Садись, — мрачно сказала Долэг, берясь за гребень. И Тисса закрыла глаза, пытаясь

представить, что ее ждет. Определенно — ничего хорошего.

И это в высшей мере справедливо.

— А где их светлость?

— В кабинете сидят. Ей письмо пришло. И бумаги про тебя... леди Иза тебя ждет. Не вертись, а то хуже будет.

Куда уж хуже-то?

За огромным столом их светлости леди Изольда выглядела еще более хрупкой, чем обычно. Она почти потерялась среди бумаг, книг, свитков и карт, которые свисали на пол, прижатые лишь серебряной чернильницей.

Леди Изольда читала письмо и улыбалась. Она почти всегда улыбалась, но сейчас как-то иначе, особенно тепло, как будто не бумаге — человеку.

— Ваша светлость? — Колени Тиссы подкашивались, а руки дрожали.

— Доброе утро... точнее, день, но все равно добрый.

Леди Изольда спрятала письмо в шкатулку, а ту — в ящик стола. И как-то сразу стало понятно, что она точно не отправит письмо в камин, а будет хранить и перечитывать. Возможно, выучит наизусть... или уже выучила. Тисса попыталась вспомнить хотя бы одно из тех, которые сожгла столь немилосердно. Но голова была пуста, а совесть — свирепа.

— Садись. И успокойся, ничего страшного не произошло. Леди Льялл понадобилось срочно уехать. И вы с сестрой временно поживете здесь. Во избежание дальнейших инцидентов.

— Д-да.

Ничего не произошло? Но Тисса же помнит...

— Это, — леди Изольда передала гербовый свиток, — договор о намерениях. Я думаю, что тебе следует с ним ознакомиться. Пожалуйста, прочти внимательно.

Тисса читала.

Много слов. Некоторые непонятны, хотя отец позволял ей читать договора об аренде, и купле-продаже, и другие разные, но... этот отличается.

Он неправильный!

Это женщина должна приносить мужу приданое, а не...

У Тиссы и вправду будет свой дом? И содержание.

Обеспечение Долэг.

Суммы невообразимы. Зачем столько? И зачем это ему вообще?

Тисса молча вернула бумаги.

— Все хорошо? Я подписываю. — И леди Изольда взялась за перо, держала она его как-то не так, неудобно. Ей, наверное, непривычно пользоваться перьями. В ее мире используют... А что используют в ее мире? Тисса решительно не представляла, чем можно заменить такую обыкновенную и привычную вещь, как хорошее гусиное перо.

Но вопрос требовал ответа, и Тисса вынуждена была сказать правду:

— Нет.

— Почему?

— Это... нечестно. — Тисса вцепилась в подлокотники. — Из-за тех писем... которые Гийом... и которые я... писала. И принимала тоже. Читала.

— Ну и на здоровье, — спокойно ответила леди Изольда и пощекотала кончиком пера нос. — Тисса, главное, что дальше писем дело не зашло. Но вообще, если тебя это волнует, то есть два варианта. Мы идем и сознаемся в переписке. Или молчим и забываем, что она

вообще была.

Признаться?

Рассказать обо всем?

Да ни за что! Леди Изольда — одно дело, а тан... если узнает, он придет в ярость.

— Все ошибаются, Тисса. Главное, чтобы ошибки не повторялись. Магнус считает, что Гийом нанял тех людей, которые...

...избили тана. И поставили клеймо...

...он ведь писал про раба... и про справедливость... Тисса должна была понять.

Предупредить.

Сделать хоть что-то, а она...

Почему-то очень явно вспомнилась рука, обхватившая шею. Узнав о письмах, тан просто довершит начатое и будет всецело прав.

— Не надо ничего говорить. Пожалуйста.

— Хорошо. — Леди Изольда поставила широкий небрежный росчерк. — И не бойся Гийома. Сюда он вряд ли вернется. А если вернется, то... подземелья у замка глубокие.

О да. Найдется там место и для Тиссы.

Ох, не была я уверена в том, что молчание — верный выбор.

А сказать...

Урфин взбеленится. Точно взбеленится, жертва самолюбия. В лучшем случае гадостей наговорит. В худшем... о худшем лучше и не думать. Нет, ударить Тиссу он не ударит, но вот договор разорвать вполне способен. Причина ненавидеть Гийома у него, тут сомнений нет, веская. Но ведь эти двое сами сцепились, без посторонней, так сказать, помощи. И девчонку в свои разборки втянули.

— Гийом тебя не любил. — Возможно, то, что я скажу, жестоко, но Тиссе следует знать правду, сугубо для профилактики рецидивов влюбленности. — Никогда. Ни секунды. Подозреваю, что он любит лишь себя самого. А на тебя обратил внимание, поскольку это сделал Урфин. Соблазнить невесту врага — это старый мужской способ нагадить ближнему своему.

Вот только вряд ли Гийом учел непробиваемую порядочность Тиссы. Небось надеялся на быструю победу. И письма, подозреваю, были щедро пересыпаны признаниями в любви да обещаниями чудесного будущего на двоих. Положа руку на сердце мне бы в ее возрасте этого хватило.

Может, зря я ругаю здешнее воспитание?

— И тебе следовало бы сразу рассказать о письмах...

— Да, ваша светлость.

Бестолковое сожаление: не знаю ни одной девицы, которая бы донесла на тайного поклонника, тем более если душа желает высоких материй, а поклонник более чем симпатичен.

Сволочь только... но это вообще с поклонниками частенько происходит.

— Я надеюсь, если подобное повторится...

...не приведи Ушедший...

— ...то ты поступишь правильно.

...или хотя бы отвечать не станешь... а улики — в камин. Он все проглотит.

— Да, ваша светлость.

Опять не складывается беседа.

— Изольда. Или леди Изольда, если тебе воспитание иначе не позволяет.

А Гийом-то небось взбесился, когда юная дева нагло проигнорировала расставленные силки, отмазавшись наличием жениха в перспективе. И не это ли стало поводом для новых разборок?

— Тисса, я не считаю тебя виноватой в чем-то. Нечестной. Или плохой. Ты сделала глупость, но не самую страшную...

...очень на это надеюсь.

— ...и сейчас тебя мучит совесть. Это тоже нормально. Но будь разумной девушкой...

...интересно, существуют ли такие?

— ...и не позволяй тому, чего нельзя изменить, ломать себе жизнь. Лучше исправлять то, что исправить можно.

Эх, с какой это напасти я столь стремительно поумнела? Не хватает для полноты образа подагры и такого противного старческого скрежета в голосе, который прорезается при регулярном чтении нотаций и выдаче премудрых советов.

Пора прекращать.

— Как исправить? — В голосе Тиссы полнейшая безысходность.

Мир ужасен. Жизнь окончена. И все прожитые годы твердят о том, что нынешняя ситуация выхода не имеет. Разве что в петлю. До чего знакомо...

— Для начала — позавтракать. Потом нанесем визит их сиятельству...

...уже подозреваю, как они обрадуются, представ пред очами невесты в крайне негероическом обличье...

— ...торжественно вручим бумаги...

Вздых. Совесть, она такая. Пока привыкнешь — намучаешься.

— ...потом займемся финансами и делами государственной важности.

Это беднягу совсем не вдохновило. Ничего, пусть привыкает, подозреваю, что дружить нам придется семьями. И лучше бы дружба была искренней.

Мюррей появился в полдень.

Пришел один, переправившись на какой-то очень уж ненадежной с виду лодчонке, которую бросил на берегу. И доспех не надел.

Он стал старше и почему-то ниже — теперь едва доставал до подбородка.

Тоньше.

Слабее. Кайя держит эту мысль на коротком поводке и душит желание выяснить, насколько слабее.

...это нормальный инстинкт. Контролируй, пожалуйста.

Кайя старается.

А привычка к пестрым нарядам осталась.

Щеголеватые сапоги ярко-алого цвета с тупыми носами и массивными пряжками. Шаровары, расшитые серебряной нитью. Куртка с бахромой по рукавам. Соболиная шапка с длинным хвостом, который сливается по цвету с собственными волосами Эдварда. По-прежнему не стрижется, заплетая косу. И атласная лента с бантом не выглядит смешно.

На лицо все равно придется смотреть. И Кайя решается.

Прежнее. Сухое, словно вырезанное из кости. Смуглая выдубленная кожа с росписью мураны. Нос изящный, несмотря на старый перелом. Левый глаз из-за шрама застыл в вечном прищуре, а все так же ярко. И насмешка прежняя.

...малыш, ну ты и вырос, однако! Здравствуй!

...здравствуй, Эдвард.

Неуклюжая попытка обняться. Обоим равно неловко. И неприятно. Он — чужак. Территория ничья, но все равно — чужак.

...Кайя, ты же меня выслушаешь?

— Конечно. — Кайя отвечает и вслух тоже.

Он еще не привык, что разговаривать можно без слов.

— Тогда веди. Посидим. Поговорим. — Мюррей принимает правила. Он двигается плавно, нарочито медленно, словно опасаясь, что Кайя с инстинктами не совладает. — Кажется, нам многое следует обсудить. Кстати, твои люди мне не доверяют.

...ты враг...

...для них? Или для тебя тоже?

...не для меня. Я не понимаю, Эдвард.

...недоразумение... мы разберемся. Вдвоем. Хорошо?

Шатер вычистили и привели в порядок. Свежий ковер. Пара гобеленов, реквизированных из чьего-то сундука, — Кайя прежде не раз задумывался, зачем таскать с собой всякую ерунду вроде гобеленов и серебряной посуды — жаровни, канделябры... почти и прилично получилось.

— Готовился? — Эдвард поправил покосившуюся свечу и достал из-под полы флягу. — Я тоже. Если ты не откажешься со мной пить.

— Не откажусь.

Кайя предлагали охрану. И прислугу. И вообще сменить его шатер, который, по совокупному мнению баронов, был, конечно, заслуженным шатром, с честью исполнявшим свой долг, на другой, более подобающий высокому званию их светлости.

И его грядущего гостя.

— Кайя, — Эдвард поставил два кубка и разлил вино, — сначала я должен... проклятье, я всю ночь думал, что тебе скажу, но так и не придумал. Мы виноваты... нет, прежде всего я виноват перед тобой... перед вами.

— В чем?

— Я давал слово вас защищать. Учить и защищать. Если понадобится, то ценой жизни. Красиво звучит, только когда понадобилось, оказалось, что это — лишь выражение такое... что есть высшая цель и надо проявить благоразумие. Подчиниться.

Это был не тот разговор, на который Кайя рассчитывал.

— Назревал кризис... его еще пытались предотвратить. И уж точно не хотели усугублять. Твой отец был нестабилен. Он сам решил, что умнее прочих, сможет на двух стульях усидеть.

— Не вышло.

Шрамы зудели. Вот всегда, когда речь о чем-то, что Кайя хотел бы забыть, они напоминают о своем существовании.

— Не вышло, — эхом отозвался Эдвард. — И ему дали громоотвод. После Фризии я пытался тебя забрать. Но они испугались, что будет еще один кризис, который наверняка развалит всю систему. Оракул же гарантировал твое выживание.

И сдержал слово. Оракул не ошибается.

Он просто не берет в расчет желания отдельных элементов системы.

— Все было не так и плохо.

...врешь.

...немного.

...я не прошу меня простить, потому что такое простить нельзя.

...тебя я никогда не винил. И остальных тоже. Если все так, как ты говоришь, у вас не было выбора.

...за мной долг крови, Кайя. Ты примешь его?

...если тебе станет легче.

...спасибо. Ты говоришь лучше, чем вчера. Кайя, мы думали, что ты молчишь, потому что не желаешь иметь с нами ничего общего. И решили, что это — твое право.

— Я не слышал.

Эдвард помотал головой и коснулся виска.

...нужна тренировка. Говори так. Я уже понял, что ты не слышал. Он с тобой не разговаривал?

...нет.

...но? Я слышу сомнение. Это хорошо. Спектр эмоций тоже важен.

Это не те эмоции, которыми следует делиться.

— На. — Эдвард вложил кубок в руку. — Я только теперь понял, почему тогда ты написал письмо. Не попросил, хотя мы были на расстоянии разговора, а написал. Это было странно, но... я решил, что письмо — только предлог. Для твоего дружка. Как, к слову, он поживает? По-прежнему в каждой бочке затычка?

— Есть такое.

— Еще злится на меня, что на цепь посадил? И за остальное тоже? Ладно, дело не в этом. Говорить начинают в двенадцать. В тринадцать. Пятнадцать — уже поздно. Тебе?

...двадцать девять.

...именно. А ты только сейчас сподобился. И получается замечательно. Значит, проблема не во врожденном дефекте. Ты ведь догадываешься о причине. Я слышу это. Что он с тобой сделал?

Солгать? Промолчать? Но какой смысл в разговоре, если Кайя будет молчать?

...взлом... взломал... взламывал...

Отрезать эмоции не выходит.

И вроде бы все пережито. Забыто. Или хотя бы спрятано в такие глубины разума, откуда точно не выберется. А оно вдруг выплеснулось гноем из обиды, унижения, оглушающего чувства собственной беспомощности.

— Когда? — Эдвард отводит взгляд.

Уйдет. Сейчас завершит разговор на вежливой ноте и уйдет. Все станет как прежде. Только яснее, потому что исчезнет неопределенность. Кайя ведь с самого начала знал, что так будет.

— Первый раз в тринадцать. Дальше... по-разному. В последний год почти ежедневно.

— Зачем?!

Кайя и сам пытался понять, почему-то казалось, что если найдется объяснение, то станет легче. А оно все не находилось.

Отец не пытался контролировать.

И не лез в память, разве что из любопытства, вытряхивая то одно, то другое воспоминание, делая его нарочито ярким, неживым.

Не принуждал к чему-либо — мелочи, вроде нарушенной координации, не в счет.

— По-моему, ему просто нравилось это делать. — Единственный ответ, который был

правдой.

— И ты молчал?

— Кому и что я мог сказать?

Никому. Урфин и тот не знал. Он наверняка догадывался. Злился. Нарывался. И становилось только хуже. До него никак не доходило, что некоторые пощечины лучше сносить молча.

— Да и что бы изменилось, Эдвард? Оракул молчал, следовательно, угрозы системе не было. Что до меня, то... я привык. Со временем.

Научился предугадывать. Расслабляться, пропуская первый удар. И даже стоять на ногах, неважно, контролировал их или нет. Свыкся с легкой тошнотой после.

Эдвард сел и, вытянув ноги, уставился на сапоги.

— Я никогда еще не чувствовал себя настолько мерзко.

— Пройдет.

— Привыкну. Со временем. Это да... — Сняв шапку, он провел по волосам. В белой гриве седина незаметна. Но Эдвард уже не молод, хотя и не стар.

Жив ли его отец?

Старый Мюррей был добрым человеком. Вот только, как выяснилось, доброта мало что значит, когда речь идет об интересах мира. Возможно, так и правильно, хотя все еще обидно.

А Изольды нет, чтобы пожаловаться.

— За встречу, — грустно произнес Эдвард, поднимая кубок. А Кайя и забыл, что держит в руках.

Вино было южным и легким, со вкусом абрикосов, лета и чего-то еще, прочно забытого.

— За встречу.

...Кайя, могу я и дальше с тобой говорить?

...да, конечно.

...кто знает о взломе?

...Оракул. Ты. Доверяю.

...Кайя, не пытайся контролировать мысли. Просто говори про себя. Я услышу. И эмоции не спеши отсекай. Со временем научишься.

...совсем плохо?

...совсем неплохо. Ты всегда быстро учился. И сейчас получается. Практика нужна, вот и все. Но нашим сказать следует.

...зачем? Чтобы посочувствовали?

...чтобы помогли. Ллойд сказал, что весной ты был нестабилен. Он долго отходил от твоего удара, хотя клянется, что не провоцировал. А я не вижу признаков срыва. Напротив, ты удивительно спокоен с учетом ситуации. Где правда?

...не знаю.

Эдвард уставился в бокал. Он молчал, но не закрывался, позволяя считывать эмоции.

Вина. Полынная горечь. Серый цвет.

Злость с запахом мяты, резким, неприятным.

Тоска. И недоумение.

...Кайя, тебе это не понравится, но я должен понять, что он с тобой делал.

...взлом?

Не в этот раз. Кайя больше не позволит делать с собой такое. Он старше.

Сильнее.

Эдвард опытней. И если дойдет до схватки, то результат не определен. Чутье требовало напасть первым.

— Успокойся. — Мюррей отставил кубок. — Я не хочу тебя взламывать. И не стану. У тебя есть выбор. Ты уже взрослый и понимаешь, что происходит. Хочешь отказаться — отказывайся. Но все последствия будут на твоей совести.

Он был прав. Отказаться — просто. Эдвард промолчит. И не будет предлагать во второй раз, предоставив Кайя самому разбираться с собой.

Он стабилен.

Ллойд ошибся.

Или нет?

Кайя едва не сорвался в городе. Не хватило малости... А если однажды все-таки контроль слетит? Если он просто не замечает, что раскачка уже началась? Например, то самое инстинктивное желание вцепиться Эдварду в глотку — симптом?

— Больно не будет. Неприятно — да. — Эдвард снял куртку, оставшись в длинном черном колете. Он закатал рукава рубахи, хотя нужды в этом не было. — Сам знаешь. Закрой глаза. И попытайся расслабиться.

Сам же и хмыкнул над нелепостью собственного совета.

В прикосновении не было нужды, но холодные пальцы у висков отвлекали. Вдох. Выдох. Сердце привычно замедляется, оно помнит короткую остановку на переходе от одного сознания к другому. Но Эдвард не давит. Его присутствие почти неощутимо и длится, кажется, минуту, а то и меньше.

— Выдыхай. — Эдвард не убирает руки, но заставляет наклониться. — Шрамы откуда?

— Да... старая история.

— Похоже, мы не в курсе многих старых историй. Ты стабилен. Ты более стабилен, чем кто бы то ни было.

Тогда почему Эдвард вновь отворачивается и старательно вытирает пальцы о рукава куртки, замшей счищая несуществующую грязь.

...на что это похоже?

Кайя всегда хотелось знать.

...на последствия ковровой бомбардировки...

Серая земля в рытвинах и ямах. Каменное крошево. Искореженные деревья, чьи корни смотрят в небеса. И огромная железная машина, наполовину погребенная под завалом. Низкий корпус, нелепо вывернутая башня с дулом, направленным в низкое небо. Россыпь снарядов и серебристая проволока растяжек.

...шрамы. Сплошные шрамы. Он многого тебя лишил.

Эдвард допил вино одним глотком.

...знаю. Я не способен к тонкой работе. Точечные удары. Воздействие. Или взлом. Пытался. Допрос. Убил.

Снова не получается говорить. И Кайя переходит на нормальную речь.

— Основные функции не пострадали.

...ты говоришь о себе, как о машине. Это неправильно. Ты живой. Имеешь право нервничать. Но сейчас успокойся и говори. Практикуйся.

...учишь?

...еще и не начинал. Но я бы не отказался с тобой поработать. Ты знаешь, зачем он поставил блок?

...что?

...блок. Связка. Я же показал.

Тот железный монстр с вывернутыми гусеницами, который почти сроднился с землей.

...именно.

...Я не знал, что он есть. Зачем — тоже не знаю. Ты можешь понять?

...могу попытаться. Если позволишь более плотно проникнуть. Я попробую на прочность, но возможно, что будет больно.

— Потерплю.

Теперь Кайя казалось, что он ощущает в своей голове этот блок. Ржавое железо. Ключья трака. И темные тела неразорвавшихся бомб.

Эдвард действует жестче.

Он разрезает пласты сознания, забираясь все глубже. Рассчитывает найти корни и перерезать.

Не выйдет.

Сердцебиение ускоряется. Обрыв.

Легкие отказывают на полувдохе.

И зрение отключается. Слух.

Падение... темнота навстречу. Колодец. Кайя не любит колодцев. Дно у них твердое. И стены тоже. Камень ранит, но боли нет. Ничего нет. Наверное, смерть так и выглядит.

Изольда расстроится.

Эта мысль останавливает падение. А затем следует рывок, с которым приходит невыносимая, уродующая боль.

— Дыши, чтоб тебя. — Кайя позволяют упасть на четвереньки, но поддерживают. — Вот так, дыши... сейчас все пройдет.

— Ты...

— Молчи пока. Отдышись. Цепляйся за меня. Садись.

Эдвард помогает подняться. Он бледен до серости. И не скрывает страха. А из носа кровь течет, и Мюррей вытирает ее рукавом.

— Как голова? Болит?

Нет. Скорее ощущение пустоты. И ржавого монстра, который остался на прежнем месте. Он пустил корни слишком глубоко.

— Кайя, клянусь жизнью, что только прикоснулся к блоку. А он рванул.

— Он... не хотел... чтобы сняли.

Дыхание возвращается. И сердце работает нормально. А ведь странно: Кайя уже привык к тому, что убить его невозможно. Извне. Изнутри, выходит, очень даже легко.

— Твой папаша... — Эдвард опускается на стул и, запрокинув голову, сжимает пальцами переносицу. Кровь должна бы остановиться, но она продолжает течь. Кажется, его тоже крепко задело, и Кайя чувствует себя виноватым. — ...Был гребаным психопатом.

...ты слышишь?

...да.

...нельзя молчать. И оставлять блок нельзя. Я в одиночку не потяну. Но если вдвоем или троим, то вполне выкорчем.

...кто еще?

...Ллойд. У него хорошо получается резать. И Берштен. Возьмет на себя физиологию.

...хорошо. Когда?

...раньше весны не получится. Надо создать стабильную нейтралку. Можно здесь. Или на Изгиборе. Равноудаленная точка. Согласен?

...да.

Кровотечение останавливается, и Эдвард трясет головой. Он зол и растерян, но не пытается скрывать эмоции.

...Кайя... в этот раз я еще одну странность отметил. Местами шрамы почти разгладились. Ты восстанавливаешься, но очень странно, как бы извне. Я думаю, поэтому ты и заговорил. Чего я еще не знаю?

...я женился.

В удивлении Эдварда видится вопрос. Но Кайя не знает, что рассказать ему про Изольду. А память как назло подбрасывает картинки весьма личного характера. И Мюррей фыркает, сдерживая смех:

— Тебе все-таки надо учиться фильтровать речь... но поздравляю. Рад, что получилось. Он искренен и не дожидается встречного вопроса.

— Ллойд после той встречи... решил тебя стабилизировать. Система просчитала варианты.

И подключила Урфина, который полагает, что действовал самостоятельно.

— Да, без гарантии, но шансы на успех были весьма высоки.

Как реагировать на подобную откровенность? В очередной раз им сыграли по правилам системы. И Эдвард смотрит так изучающе. Ждет чего-то.

Чего?

Возмущения? Гнева? Вспышки?

Ллойд мог просто распорядиться, а не затевать эти игры за спиной.

— Тебе ведь не стало хуже, — спокойно заметил Эдвард. — Сейчас я могу свидетельствовать, что ты стабилен. И находишься в своем уме.

...а все, что было до этого?

...я не лгал.

Только всей правды не говорил. Но обижаться на него глупо.

...возвращайся домой. И по тому, что я вижу, — не расставайся с ней. Держи рядом. Попробуй упрочить связь, связь сама, чем дальше, тем прочнее будет становиться. Я передам нашим, чтобы тебя не дергали.

Вернуться? Слишком хорошо, чтобы это было правдой.

Уехать. Забыть обо всем.

О городе, который продолжал играть в осаду.

О границе.

Баронах. Войсках. Работотрогвцах. Тени. Чужом маге...

...с местными я сам разберусь. Скажи, чего ты хочешь, и они примут условия. И прости. Я сделал то, что должен был.

...понимаю.

...Ледяной дом помнишь еще? Формально он в пределах нейтралки. И я жду вас там после зимнего праздника. С Алькой познакомишься. И с малым моим... Родители опять же обрадуются. Они тогда поссорились. Мама полгода с отцом не разговаривала, сам понимаешь, насколько это страшно. Скажи, что приедешь. Пожалуйста.

...обязательно.

Холить обиды не имеет смысла. А Изольде понравится Ледяной дом.

Наверняка.

Глава 9

О НОВЫХ СОЮЗАХ

Ложь не считается ложью, если является ответом на вопрос, который не должны были задавать.

Первое правило политика

Нелегкая это работа — над золотом чахнуть. Вот смотрю я на лорда-казначей и пытаюсь понять, что же оторвало его да в этакую рань от занятия столь привычного и достойного.

— Надеюсь, ваша светлость уделит мне несколько минут драгоценного времени? — Сказано это было с высочайшим почтением и без издевки, что весьма меня смутило.

Как-то сразу начинаю подозревать нехорошее в этом милом человеке.

Помимо сюртука с гротескно зауженной — корсеты носят не только женщины — талией и молодецким размахом подбитых ватой плеч, он пленял взор нашей светлости обилием драгоценных камней. Из белой пены кружев торчала какая-то по-индюшачьи синюшная шея, казавшаяся чересчур уж тонкой для массивной головы. Любезный Макферсон отказался от парика и блистал законной лысиной, окруженной валом рыжеватых волос. Пожалуй, лишь цвет их да особый кошачий разрез глаз были единственными чертами, которые свидетельствовали о родстве его с Ингрид.

— Буду бесконечно рада, — ответила я столь же серьезно.

Пусть теперь он во мне нехорошее подозревает.

— Мы могли бы побеседовать в более... уединенном месте? — Макферсон поклонился, мазнув манжетой по полу. Нет, конечно, полы здесь чистые — относительно чистые, — но все равно как-то нервирует эта их привычка.

Я оглянулась на Сержанта, тот кивнул, но указал сначала на себя, затем на дверь. То есть беседа состоится, но не здесь и в его присутствии, чему наша светлость, безусловно, рада.

А вот лорд-казначей — нет.

Но возражать не стал.

Комната, выбранная Сержантом, как нельзя лучше подходила для тайных бесед и зарождающихся заговоров. Она была невелика, если не сказать тесновата. Единственное окно, забранное решеткой, — намек заговорщикам на возможные перспективы? — выходило на стену, а соседняя башня заслоняла солнце. Полумрак разбавляли редкие свечи. Обстановка сдержанная. Серьезная. Дубовые панели. Винно-красная обивка на креслах. Золотой позумент. И массивный каменный зверь, возлежащий на круглом столе.

— Присаживайтесь. — Я заняла кресло с гербом дома.

Сержант встал сзади и сбоку. Я не могла его видеть, но само присутствие успокаивало. Вряд ли меня попытаются убить, во всяком случае физически. Но лучше уж с охраной, чем без.

— Вам не следует меня опасаться, ваша светлость.

— Меры предосторожности...

— Да, конечно, понимаю. После всего, что вам выпало пережить... вы сильная женщина. Хотя по вам и не скажешь.

Все страньше и страньше. Чего это он такой галантный вдруг?

— И я хотел бы заключить с вами союз, — закончил Макферсон.

Он сидел в кресле свободно, но не развязно, видом и позой демонстрируя, что хотя наша светлость и не вызывает прилива верноподданнического трепета, но всяко сочтена собеседником, достойным уважения.

— Смею полагать, что этот союз будет выгоден для обеих сторон. Позвольте быть с вами откровенным?

— Будьте.

Чего уж человеку в маленьких радостях отказывать? А к мерзости я привыкла.

— Ваше появление обрадовало меня не больше, чем радует внезапный насморк. Уж не сочтите за грубость, леди, но так оно и есть. Выход новой фигуры в старой игре, где игроки знают друг друга почти столь же хорошо, как знают себя, чреват непредсказуемыми последствиями. Вы чужды нашему миру. Ваше поведение, манеры, вернее, полное их отсутствие, небрежение к условностям... и то необъяснимое влияние, которое вы оказываете на Кайя. При вашей-то не слишком выразительной внешности.

Макферсон поставил локти на широкие подлокотники. Пальцы же соединялись. Мизинец с мизинцем. Безымянный с безымянным... завораживающе медленные, змеиные жесты.

— Я был против этого брака из сугубо утилитарных причин: нет хуже ситуации, когда любитель, пусть из побуждений самых лучших, портит игру профессионалов. Вы оказались рядом с самой серьезной фигурой на доске, имея над ней почти неограниченную власть. Это, знаете ли, пугает.

Бедный. То-то запуганным выглядит. Но каков монолог! Проникновенный. Видно, что человек всю ночь готовился, пока наша светлость отдыхала от трудов праведных.

— Вдруг бы вам взбрело в голову что-нибудь... странное?

— Что к примеру?

А то вдруг оно все-таки взбрело, но я степень странности недооцениваю.

— К примеру, помиловать женщину, которая убила мужа... всего-навсего прецедент, но вы вряд ли способны оценить, какой простор он дает для грамотного законника. Ваше слово создало ситуацию, когда убийца способен уйти от наказания.

— Вас беспокоит это? Или то, что несчастная была женщиной?

— Ни то ни другое. — Макферсон улыбнулся. Улыбка у них с Ингрид тоже одинаковая, отчего мне как-то неуютно. — Мне, признаться, все равно. Главное, что вы не пытаетесь с ходу законы менять.

Надо же, а я полагала, что это недостаток.

Хороший правитель мудрые указы на ходу сочиняет. А я, сколько ни пыталась — а ведь пыталась, имеется за нашей светлостью грешок пустого мечтательства, — дальше «за сим повелеваю» не зашла.

— Если вам все равно, почему же вы так возмущались?

— Мне было интересно. — Пальцы разошлись, что разводные мосты, но тотчас устремились друг к другу. — Насколько серьезны ваши полномочия. И какой поддержкой вы обладаете.

То есть небольшая проверка?

— Я наблюдал за вами, ваша светлость. Насколько это было в пределах моих возможностей, — кивок в сторону Сержанта. — И вынужден признать, что в ближайшей перспективе вы собираетесь значительно усложнить мою и без того непростую жизнь. Вы

вплотную занялись счетными книгами, и если я что-то понимаю, а я далеко не глуп, то не только теми, которые касаются замка.

[Купить полную версию книги](#)

notes

«Леди Изabella и разбойник», старинная английская баллада. — *Пер. автора.*

Сыроток и варенец — разновидности ворвани, жира, добываемого из морских млекопитающих.